

Гр а н и космического мировоззрения

Л.В. Шапошникова

«О, вещая душа моя!»*

Из всех моих современников, которых мне суждено было встретить за мою долгую жизнь, он есть величайший, и величайшим является преступление поднявших на него руку, обрекших его хуже, чем на казнь, но на долготное мучительное изгнание и медленное умирание <...> Мне суждено здесь, в чуждой земле, ныне свидетельствовать перед не знавшими его о величии и красоте его духовного образа <...> Отец Павел был для меня не только явлением гениальности, но и произведением искусства: так был гармоничен и прекрасен его образ. Нужно слово, или кисть, или резец великого мастера, чтобы о нем миру поведать. При этом он сам не только родился таким, но был и собственным произведением духовного художества, для чего ему была присуща вся тонкость духовного и художественного вкуса. Черты его внешнего лица запечатлены на известном нестеровском портрете: благодатная тихость и просветленность, образ как бы некоего небожителя, который, однако, был сыном и земли, ее тягости изведal и преодолел.

С.Н. Булгаков

*О, вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..*

*Так, ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный и страстный,
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов...*

*Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.*

Ф.И. Тютчев

* Из книги Л.В. Шапошниковой «Вселенная Мастера» (Великое Путешествие. Кн. 3. М., 2005. С. 611–615, 718–743).

Публикаторский отдел МЦР готовит к изданию письма из Соловецкого лагеря о. Павла Флоренского из архива семьи Флоренских.

«Начальнику строительства БАМЛАГ ОГПУ. Февраль 1934 г. Ст. Скородино.

Вся моя жизнь была посвящена научной и философской работе, причем я никогда не знал ни отдыха, ни развлечений, ни удовольствий. На это служение человечеству шли не только все время и все силы, но и большая часть моего небольшого заработка – покупка книг, фотографирование, переписка и т.д. В результате, достигнув возраста 52 лет, я собрал материалы, которые подлежат обработке и должны были дать ценные результаты, т.к. моя библиотека была не просто собранием книг, а подбором к предстоящим темам, уже обдуманным. Можно сказать, что сочинения были уже наполовину готовы, но хранились в виде книжных сводок, ключ к которым известен мне одному. Кроме того, мною были подобраны рисунки, фотографии и большое количество выписок.

Но труд всей жизни в настоящее время пропал, так как все мои книги, материалы, черновые и более или менее обработанные рукописи взяты по распоряжению ОГПУ. При этом взяты книги не только мои личные, но и книги моих сыновей, занимающихся в научных институтах, и даже детские книги, не исключая учебных пособий.

При осуждении моем, бывшем 26 июня 1933 г., ППОГПУ Московской области конфискации имущества не было, и поэтому изъятие моих книг и результатов моих научных и философских работ, последовавшее около месяца тому назад, было для меня тяжелым ударом, лишаящим меня каких бы то ни было надежд на будущее и приводящим к полному безразличию в работе. С таким духовным состоянием я не смогу быть не только энтузиастом, но и просто энергичным работником, потому что уничтожение результатов работы моей жизни для меня гораздо хуже физической смерти. Сюда присоединяется еще угнетающее сознание о страданиях моей семьи.

Мера наказания, примененная ко мне, карает мою семью, в отношении меня никак не может считаться ведущей к использованию меня как работника строительства и уничтожает тот вклад, который я мог бы сделать в культуру. Прошу Вашего ходатайства о возвращении жене моей Анне Михайловне Флоренской (Загорск, Моск. обл., Пионерская, 19) книг, рукописных материалов и прочих, взятых в квартире в Загорске и во временной квартире при Всесоюзном Электротехническом институте (Москва, Лефортово, Проломный проезд, д. 43, корп. III, кв. 12).

П.А. Флоренский»¹

В истории нередко возникают таинственные и не всегда объяснимые соответствия. Около двух тысяч лет назад, совсем в другой стране, на заре христианства было написано другое письмо. Автором его был Апостол Павел. Письмо было адресовано его ученику Тимофею: «Павел, волею Божию Апостол Иисуса Христа, по обетованию жизни во Христе Иисусе, Тимофею, возлюбленному сыну: благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего <...> И так не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай с благовестием (Христовым) силою Бога <...> Ты знаешь, что все Асийские оставили меня; в числе их Фигелл и Ермоген. Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел»². И среди различного рода советов, поучений и предостережений, даваемых ученику, возникает один важный сюжет. «Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое. Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало <...> Постарайся придти ко мне скоро. Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент в Галатию, Тит в Далматию; один Лука со мною. Марка возьми и приведи с собою, ибо он мне нужен для служения. Тихика я послал в Ефес. Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные <...> Постарайся придти до зимы»³. Этим, собственно, и завершается второе и последнее послание Апостола своему ученику. Несмотря на разницу во времени и пространстве, а также в исторических эпохах, в которых жили оба автора писаний, есть много похожего в судьбе того и другого. Эта удивительная похожесть свидетельствует о каких-то таинственных узах, связывающих двух человек – Апостола Павла и отца Павла. Оба письма были написаны в заточении, куда каждый из них попал по одной и той же причине – решительное несогласие отказаться от своей веры. Для Апостола Павла, или посланника Христа, это ни в коей мере не было возможным по духовно-культурной сути его, для отца Павла – по миссии, связанной с церковной жизнью XX века. Один начинал строить эту церковь, другой стремился избавить ее от искажений и недостойных ее наростов, образовавшихся за многие века ее существования. Оба они – и Апостол первых лет христианства, и православный священник – сыграли свою значи-

¹ Оноприенко В.И. Флоренские. М., 2000. С. 240–241.

² Новый завет. Второе послание к Тимофею святого Апостола Павла, 1:1–2; 1:8; 1:15–16.

³ Там же. 4:5–6; 4:9–13; 4:21.

Ю.Э. Кузнецов. Апостол Павел

Семья П.А. Флоренского. Слева направо: Кирилл Павлович, второй сын, Тинотин (Мария Павловна, младшая дочь), Василий Михайлович Гиацинтов (шурин П.А. Флоренского), Михаил Павлович, (младший сын), Анна Михайловна, жена, Павел Александрович. Фото В.П. Флоренского (старшего сына). Сергиев Посад. Осень 1932 г.

тельную роль в духовно-культурной эволюции человечества. Оба письма – и Апостола Павла, и отца Павла – были получены теми, кому были адресованы.

«Последние пять лет земного пути П.А. Флоренского, – сказано в предисловии к одному из

томов его сочинений, – священника, “не снявшего с себя сана”, – это мученический, крестный путь христианина, напоминающий крестный путь и деяния его Небесного Покровителя – Апостола Павла. Более четырех лет перед казнью Апостол провел в тюрьмах и пересылках, откуда

направлял Послания, ставшие частью Священного Писания»⁴.

Из дела №2886 отца Павла Флоренского о контрреволюционной националистической фашистской организации: «Флоренский Павел Александрович, профессор богословия, служитель культа (поп), выходец из знатной дворянской семьи, по политубеждениям крайне правый монархист, автор печатных трудов по богословию, в которых откровенно выражены его монархические убеждения (“Защита божества”, “Столп и утверждение Истины” и т.д.). В 1928 г. арестовывался ОГПУ и осужден как активный участник церковно-монархической организации на 3 г. С 1928 научный работник ВЭИ. Идеолог и руководитель центра к.-р. (контрреволюционной. – Л.Ш.) организации, в прошлом состоял членом к.-р. “Платоновской организации”»⁵. В процитированном из дела Флоренского фрагменте нет ни слова правды. Подобные «дела» фабриковались сначала тысячами, а потом миллионами. Сочинялись они, как правило, безграмотными, но крайне усердными следователями. Не знаю, мастерились ли подобные «дела» блюстителями закона Римской империи против первых христиан или нет. Скорее всего – нет. Римляне предпочитали не писать, а действовать. В 58 году нашей эры Апостол Павел был схвачен, взят под стражу и переправлен в Кесарию. Там и начался срок его заключения. Его судили в Риме и предъявили ему обвинение в проповеди новой веры (христианства) и стойкой приверженности этой вере. Апостола обвинили в том, что он действительно делал, священника Флоренского в том, чего он никогда не делал. Однако результат был один и тот же: обоих казнили. Апостолу отрубили голову, православно-го священника после нескольких лет заключения расстреляли.

Оба они написали свои письма за несколько лет до казни, и оба беспокоились о книгах, где было заключено знание, которое надо было сохранить любой ценой. Они стремились уберечь ту нить преемственности в знаниях, независимо от того, каким способом оно было получено, которая шла из глубокой древности в XX век нашей эры. И, осмысливая произошедшее с Апостолом в начале нашей эры и со священником в преддверии третьего тысячелетия нашей эры, можно прийти к выводу, что посягательства невежества и тьмы на знания и новые мысли их носителей остаются прежними. В этих двух эпизодах, разделенных временем и пространством, отразилась

одна из важнейших особенностей пути познания в нашем плотном мире. Мы можем сказать, что этот путь идет через самопожертвование идущих по нему, берегущих его и готовых заплатить любую цену, вплоть до жизни, за его бессмертие. Ибо путь этот есть одно из главных направлений космической эволюции человечества. И только те, кто осознавал значение этого пути познания, могли идти по нему и преодолевать его трагические и подчас смертельные трудности и препятствия. Мы поймем многое из этого пути, когда будет написана его история и имена безымянных подвижников станут нам известны. Ну а пока мы должны довольствоваться теми немногими, чьи имена и деяния мы приблизительно уже знаем. И в то же время помнить и ощущать присутствие тех, чьи лица скрыл капюшон тайны на долгом и опасном пути человеческого познания. Никто и никогда не сможет отрицать то, что Павел Александрович Флоренский был одним из них...

В области многих знаний Флоренский был личностью уникальной и выдающейся. Глубокую и интересную характеристику дал Флоренскому И.Г. Исупов, один из известных исследователей его наследия: «Уже современникам стало ясно, что с Флоренским в русскую культуру пришел новый тип личности. Новизна определялась нетрадиционным устройством памяти и структурой внутреннего пространства ума Флоренского. В этом пространстве не было центра, как в Космосе, он везде. Философ мог начать разговор с чего угодно и чем угодно закончить <...> Речь может пойти о природе числа, а завершиться философско-антропологическими выводами <...> Таково свойство его недискретного философствования – входы и выходы не соотнесены симметрично, как тезис и итог, как вопрос и ответ. Проблема приводит автора не к выводу, а к новой проблеме, как миф об Эдипе ведет к мифу об Электре, а рассказ о технологии красок – к мистике цвета»⁶. То, что отметил Исупов в особенностях мышления Флоренского, свидетельствует о том, что это мышление имело новый, синтетический характер, и вся система знаний во «внутреннем уме» Флоренского представляла собой цельную и единую систему. В нем как бы была уже готова почва для создания новой синтетической теории познания, которая начала складываться в конце XIX – начале XX века параллельно с новым космическим мышлением. Флоренский был одним из тех, через которого космическая эволюция, если можно так сказать, проводила свой план формирования новой эпохи и

⁴ Олексенко А.И. «...И мои мысли пусть развиваются в вас...» // Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. М., 1998. Т. 4. С. 5 (предисловие).

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: Флоренский П. Оправдание Космоса. СПб., 1994. С. 23–24.

Арестованный П.А. Флоренский. Бутырская тюрьма. 27 февраля 1933 г.

нового человека. «Внутренний ум» Флоренского воспринимал равнозначно все знания, владея уже новой методологией познания, и мог донести эту методологию до других, при условии понимания этими другими сути самой проблемы. Структурные изменения «внутреннего ума» его и «нетрадиционное устройство» его памяти свидетельствовали о появлении нового человека, прошедшего через различное время и пространство. Его способности, его облик, его гениальность, которые были замечены современниками, подтверждают эту мысль. Пожалуй, в группе выдающихся ученых-космистов того времени, он был самым сложившимся для новой грядущей эпохи космической эволюции. Можно предположить, что именно это обстоятельство и привело его к ранней гибели, определенной теми силами, которые противостояли, противостоят и еще будут противостоять этой эволюции, мешая и замедляя путь человечества к вершинам совершенства и расширенного сознания.

Флоренский был одним из немногих, кто ощущал настоятельную необходимость создания новой системы познания и новой науки, как говорил

он сам, той науки, которая вберет в себя многовековой опыт человеческого познания, «очеловечится» и получит возможность приблизиться к вечным и непреходящим истинам самой Реальности. Что же касается естественных наук, то он считал, что их рационалистическая оболочка – только «тоненькая корочка опознанного над пучиной огненной лавы иррациональности»⁷. Проникнуть в эту «огненную лаву иррациональности», в которой заключены тайны Реальности, невозможно, используя только методы эмпирической науки. «Прислушиваясь к нему, – вспоминал С.И. Фудель, – к его тихим словам больше, чем к его ученому грузу, иногда казалось, что вот еще немного, совсем немного, и биология, и математика, и физика заговорят человеку какими-то новыми, творческими, «ангельскими» словами, словами, свойственными именно этим точным наукам, но проросшими в Вечность и омытыми там от Нетленного источника.

Новая наука. Мы почти уверены, что в этой жизни ее не будет, но Флоренский не напрасно носил в себе мечту о ней: он показал, что мысль человека должна и может найти Камень Веры, так как только с него видна ей лазурь Вечности и

⁷ П.А. Флоренский: Pro et contra. / Сост., вступ. ст. К.Г. Исаева. СПб., 1996. С. 56.

только на нем разум – всякий разум, научный разум – находит покой»⁸.

Если говорить смело, то он был для нас посланником той Реальности, эволюционное взаимодействие с которой уже требовало новой системы познания, новой науки, нового космического мышления. Он нес все это нам. Сейчас трудно понять, все ли он нам успел передать. Но то, что мы знаем о нем, и то, что мы прочли в его трудах, помогает нам – а со временем еще больше поможет – пройти трудный и долгий путь к новому космическому мышлению, к новому осознанию нашей жизни и того, что связано с ее улучшением и совершенствованием.

Один из великих ученых нашего века, патриарх русской культуры, как мы все его звали, Дмитрий Сергеевич Лихачев высоко оценил значение отца Павла для России. «Уникальность работ П.А. Флоренского, – отметил Дмитрий Сергеевич, – состоит как раз в том, что он стремился синтезировать знания самых различных областей в единое. Свою жизненную задачу П.А. Флоренский понимал “как проложение путей к будущему цельному мировоззрению” <...>

П.А. Флоренский, сложившийся как мыслитель в среде слияния культур русской и кавказской, европейской и народной, светской и церковной, – один из первых возвестил русской интеллигенции о гибельности бездуховного пути. И то, что наше время настойчиво обратилось к истокам и родникам русской культуры и духовности, к поискам вечных истин, свидетельствует, что П.А. Флоренский был прав в своих прозрениях»⁹. И еще: «Имя П.А. Флоренского должно указывать путь к возрождению духовности, к той культуре, которая опирается не на самое себя, а на высшие начала жизни»¹⁰.

Его арестовали в ночь с 25 на 26 февраля 1933 года и по ложному обвинению осудили на 10 лет. С этого момента начался крестный путь отца Павла на Голгофу лагерной жизни, закончившийся расстрелом. Темное невежество уничтожило вестника Реальности, существование которой оно не признавало.

Все, что было написано в обвинительном заключении Флоренского, годы спустя оказалось опровергнутым при его посмертной реабилитации. Из Постановления Московского городского суда от 5 мая 1958 года: «...в деле не имеется материалов, которые послужили бы основанием к аресту П.А. Флоренского (и др. лиц, проходящих по делу). Свидетели не допрашивались, лица, принимавшие участие в расследовании данного дела, осуждены за фальсификацию дел в органах НКВД. Флоренский П.А. (и др. лица) осуждены были неправильно, при отсутствии доказательств их виновности в антисоветской деятельности»¹¹.

Сохранился документ, в котором содержится рассказ Флоренского о том, как его допрашивал следователь на Лубянке и как формировалось обвинение. Документ этот весьма своеобразный – донос на Флоренского, когда тот был уже в Соловецком лагере. Донос составлен в ноябре 1935 года секретным сотрудником по клич-

ПРОТОКОЛ

На основании ордера ПП ОГПУ Московской области за № 25. Февраль от 25. Февраль мес. 23, произведен Флоренский в доме № 13 кв. № 12 по ул. 1-я Пролетарская улица

При обыске присутствовали: Васильев Ник. Вас.

Согласно данным показаниям задержаны гражд. Флоренский Павел Николаевич

Вместо для доставления в ПП ОГПУ Московской области следующее (подробная опись всего конфискуемого или реквизируемого):

Книжки: 1. "Воскресение Иисуса Христа", Шайкина
2. "История философии", Миссиака
3. "История философии", Миссиака
4. "История философии", Миссиака
5. "История философии", Миссиака
6. "История философии", Миссиака
7. "История философии", Миссиака
8. "История философии", Миссиака
9. "История философии", Миссиака
10. "История философии", Миссиака

Указание на то, что Флоренский
не признает себя виновным

Получено от Флоренского
13. Февраль 1933 г.

Протокол обыска во время ареста П.А. Флоренского. Справа внизу подпись его сына, Василия Флоренского. Ночь с 25 на 26 февраля 1933 г.

⁸ П.А. Флоренский: Pro et contra. С. 57.

⁹ Там же. С. 561.

¹⁰ Там же. С. 562.

¹¹ П.А. Флоренский: арест и гибель. Уфа, 1997. С. 176.

ке Хапанели. Вот что этот мерзавец пишет: «...в комнате кузнечного корпуса, где живут профессор Флоренский П.А., Литвинов и Брянцев, велся разговор на следующую тему: Флоренский говорит, что меня следователь допрашивал все о том, чтобы я назвал целый ряд фамилий, с которыми я якобы вел не существующие в действительности контрреволюционные разговоры. Но после моего упорного отрицания мне следователь сказал, что де, мол, нам известно, что вы не состоите ни в каких организациях и не ведете никакой антисоветской агитации, но на вас в случае чего могут ориентироваться враждебные Сов. власти люди, что вы не устоите, если вам будет предложено выступить против Сов. власти. Вот почему, говорит далее Флоренский, дают такие большие срока (так в тексте. – *Ред.*) заключения, т.е. ведется политика профилактического характера заранее. Предотвращают преступления, которые и не могут даже быть. Следователь мне и далее говорил (говорит Флоренский), что мы не можем так поступать, как поступило царское правительство, которое показывало на совершившиеся преступления, нет, мы предотвращать должны, а то как же так, ждать, пока кто-либо совершит преступление, тогда его и наказывать, нет, так далеко не пойдет, надо в зародыше пресекать преступление, тогда будет прочнее дело.

Флоренский: «Да, очень много сейчас сидят в изоляторах видных старых большевиков». Литвинов соглашается с Флоренским»¹². Месяца за два раньше был донос от того же лица, который привел слова Флоренского: «Наша жизнь после лагерей будет вся измята, и если после нашего освобождения возникнет в стране какое-либо явление ненормального характера, то нас сейчас же опять в первую очередь посадят»¹³. На доносе стояла резолюция: «Т. Акимову – на этих з.з. обратить особое внимание».

И еще один документ:

«По состоянию на 31/1–36 г. Политнастроения:

З/к Флоренский Павел Александрович (ст. 58–10–11, ср. 10 л.) 15 января, беседа с з/к Гендлиным по вопросу о возможностях досрочного освобождения из лагеря, говорил последнему: «Я лично от такого рода освобождения хорошего ничего не жду. Сидеть в лагере сейчас спокойнее, т.к. не нужно ждать, что тебя каждую ночь могут арестовать. А ведь на воле только так и поступают, как только придет ночь, так и жди гостей, которые пригласят тебя на Лубянку»¹⁴.

Из этих трех доносов особое впечатление производит первый. Из него мы узнаем, что Флоренский не только, несмотря на все ухищрения следователя, не признал своей вины, но никого из своих знакомых не предал и не оболгал. Он держался твердо и мужественно, чем и вызвал следователя на некоторые «откровения». Следователь с Лубянки, который много раз видел, как, уступая напору его, ломались люди, признавали себя виновными в том, чего не совершали, и клеветали на своих знакомых и друзей. Объяснение им «политики профилактики», циничное по содержанию и психологически близкое к концепции средневековых судов инквизиции, дает ясное представление о том страшном произволе и нечеловеческой жестокости, которые царили в органах безопасности страны и в ее партийных структурах. Что же касается двух других доносов, то они свидетельствовали о том, что отец Павел, несмотря ни на что, совершенно адекватно воспринимал ситуацию, сложившуюся в те годы в стране.

Он был после приговора выслан на Дальний Восток, в Забайкалье, в лагерь г. Свободный – так назывался один из лагерей – затем в Сковородино, и наконец 1 сентября 1934 года по этапу был переправлен на Соловки.

Переезжая на Дальний Восток, он пересекает всю страну. Заключение везут в неудобных и набитых теплушках, а иногда и просто в товарных вагонах. На одном из переездов перед Свердловском Флоренского посадили в вагон к уголовникам. Теперь трудно установить, то ли намеренно, чтобы поиздеваться над «попом», то ли по равнодушию и невежеству. Уголовники обчистили Флоренского до нитки. Жаловаться было некому. «А кроме того, – писал он в письме от 18.08.33., – сопровождающие выпрашивают решительно все и рвут из рук. Все голодны, оборваны и в жалком состоянии»¹⁵. Поезд уходил все дальше на Восток. «Едем медленно, поезд через каждые 10–15 мин. останавливается, т.к. он тов.-пасс. В районе Красноярска местность очень красивая, сильно волнистая сперва, а затем гористая, очень неровная. Красивые леса и перелески – из берез, пихт, лиственниц, кедров, изредка красных уже осинков. Теперь местность стала почти ровной, хотя вдали видны еще горы. Пихты очень красивы – острые, как кипарисы. Ночью холодно, да и днем не тепло, несмотря на солнце, а вчера шла крупа. Селения тут редки, людей почти не видно.

...Выехали мы из Иркутска, а сегодня ночью добрались до Читы... Едем в теплушке, темно,

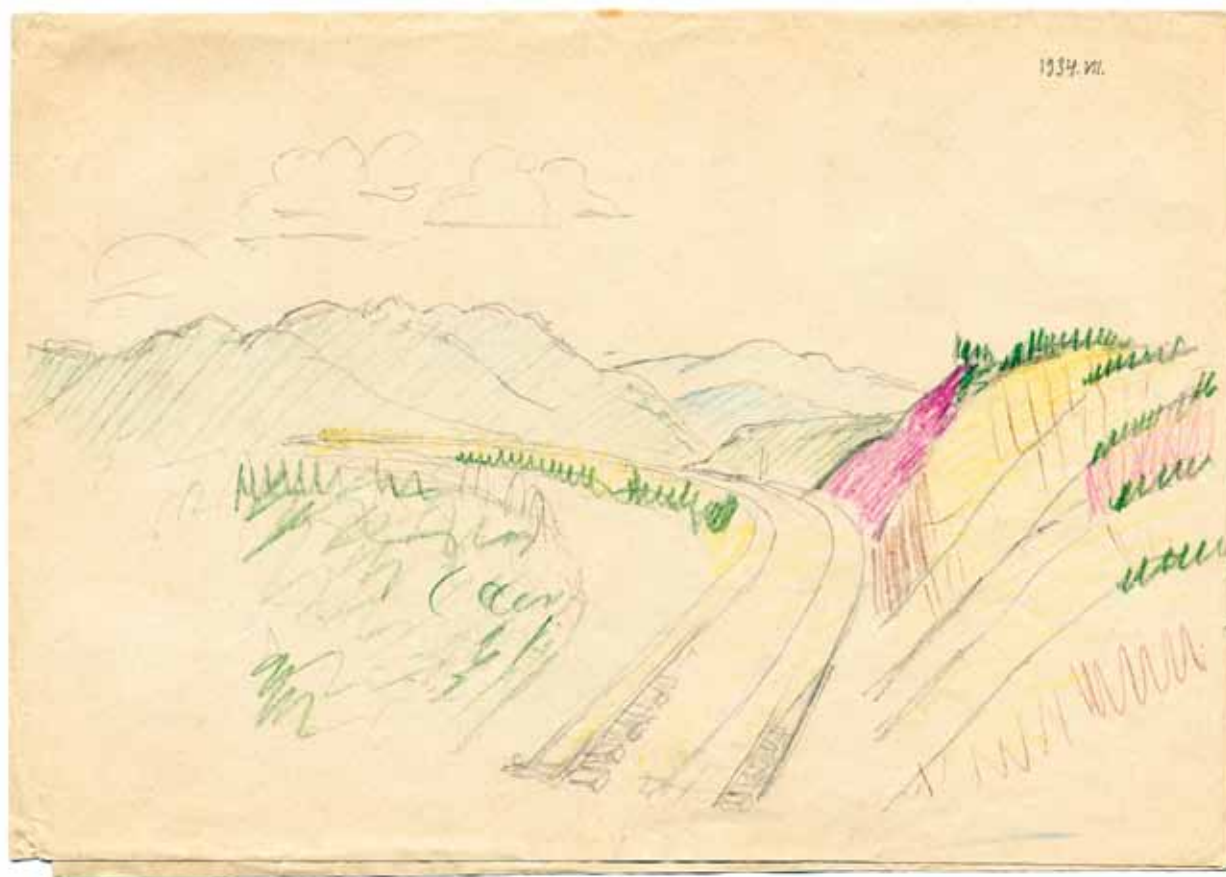
¹² Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 747.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 750.

¹⁵ Там же. С. 29.

П.А. Флоренский. Вид из окна вагона. Дальний Восток, Сковородино. Июль 1934 г.

ехать трудно. Пусть дети следят по карте за путешествием. В шкафу найдешь Географию Семенова, там найдете разные сведения о местах, через которые я проезжаю, но, к сожалению, почти их не вижу. Впрочем, в Иркутске видел Ангару, она такого цвета, как Тикино ожерелье, очень многоводная и быстрая. Такого же цвета Байкал, очень красивый, бурный, шумит как море. Интересны горы, покрытые кедровыми лесами»¹⁶.

В какие бы обстоятельства ни попадал Флоренский, несмотря на голод, холод, лагерные унижения, ужасные условия этапов, он никогда не терял острого интереса к окружающей его природе и людям, какими бы они ни были – уголовниками, заключенными, попавшими вместе с ним в беду коллегами. И в Сковородино, и позже на Соловках он продолжал оставаться ученым и использовал любые возможности, чтобы что-то исследовать, совершенствовать, изобретать, кого-то просвещать. Он читал лекции заключенным, рассказывал о различных научных проблемах, о культуре, о многовековой истории человечества. Он не упускал случая читать книги и разыскивал их в самых неожиданных местах. В Сковородино он работал при станции мерзлотоведе-

ния, заинтересовался этой проблемой, изучил ее и пришел к самым интересным выводам, связанным с эволюцией Земли. На Соловках он продолжал заниматься научными исследованиями, предметом которых был агар-агар, который добывали из водорослей, растущих в Белом море. Он всегда был активен интеллектуально и духовно, в нем всегда билось пламя того огня, который называется высокой энергетикой и высоким духом. И он писал письма домой матери, жене, детям, нередко каждому отдельно. Детей у него было пятеро. Старшему, Василию, когда отца арестовали, было 22 года, Кириллу – 18, Ольге – 15, Михаилу – 12, Марии-Тинатин (Тика) – 9. Его письма к детям были целой педагогической поэмой и высоким проявлением отцовской любви. Остается поражаться его отцовской интуиции и умению общаться с детьми. Его письма были не только воспитательными, но и познавательными. В них были рисунки, формулы, размышления об увиденном и услышанном. Письма старшим сыновьям, Василию и Кириллу, были похожи на рефераты, посвященные конкретным научным сюжетам. Он по ним всем очень скучал. Вот несколько отрывков из писем детям, написанных из Сковоро-

¹⁶ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 29–30.

Павел Александрович и Анна Михайловна Флоренские дома (ул. Пионерская, 19).
Фото В.П. Флоренского. Сергиев Посад. Осень 1932 г.

дино. Из письма Тинатин от 15–16.XI.33: «Целы ли твои куклы? Кланяйся им от меня и скажи, чтобы они не шалили и слушались свою маму. Выучила ли ты уже таблицу умножения? Знаешь ли ты, что ее придумал древний греческий философ и математик Пифагор, так что тебе необходимо знать ее хорошо»¹⁷. И ей же (от 22.03.34): «Здесь живет народ, который называется орочёны. Но они избегают ходить в города, да и малочисленны. До сих пор мне не пришлось видеть ни одного орочёна, но надеюсь когда-нибудь залучить какого-нибудь, чтобы записать от него орочёнские слова. Пока что знаю только одно: Тында, что значит туман; так называется одна из станций железной дороги»¹⁸. Сыну Михаилу (27.11.33): «Дорогой Мик, из твоего письма я узнал о твоей поездке в Москву. Что нового в зоологическом саду? Видел ли жирафов? В местности, где я нахожусь, вечная мерзлота: земля здесь на глубине около 1 метра никогда не оттаивает <...> Знаешь ли ты, что это явление вечной мерзлоты <...> распространяется на 47%, т.е. почти на половину территории Союза. А это составляет немногим меньше, чем территория Соединенных Штатов Аме-

рики. От этой вечной мерзлоты тут происходят разные любопытные явления, о которых я напишу тебе в другой раз»¹⁹. Ему же (19.01.34): «Когда будешь свободен, посмотри как-нибудь строение ледяных сосулек, чтобы вспомнить о своем папе. Попробуй разрезать их по оси и поперек, в лупу рассмотри, как там расположены кристаллики, и зарисуй, что увидишь, а потом сообщи мне <...> Только в рот сосулек не клади, а то простудишь горлышко и придется сидеть дома. – Что ты читаешь? Попроси Васю и Киру показывать тебе разные вещества и делать опыты с ними, скажи, что я позволяю им брать их, но только быть при этом очень осторожными, чтобы не случилось чего-нибудь. Надо, чтобы ты, а также и Кира, привыкли к виду и свойствам различных веществ. А Васе скажи, что он может брать себе для анализов, что ему потребуется, скажи: “Папа тебе позволил”»²⁰. Из письма Кириллу (6–9.12.33): «Начинаю большие работы по изучению физики мерзлоты, готовлю программу работ, читаю литературу. Вероятно, месяца через два уеду отсюда на мерзлотную станцию, где можно будет поставить экспериментальные работы. Эти работы в значительной

¹⁷ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 43.

¹⁸ Там же. С. 97.

¹⁹ Там же. С. 50.

²⁰ Там же. С. 69.

мере связаны с частью тех работ, которые я делал в Москве. Надеюсь сделать кое-что полезное для экономического развития тех районов, где имеется мерзлота и в частности для ДВК. С вечной мерзлотой связано много очень характерных и своеобразных явлений здешней природы». Ему же (18.01.34): «Стараюсь я здесь быть активным, выступаю на всех собраниях научного характера, много занимаюсь – чтобы несколько забыться, но тем не менее все время думаю и беспокоюсь о вас, и потому не могу делать того, на что был бы способен. Постоянно представляется мне ты с Васей, Мик с Тикой и отдельно Оля»²¹. Василию (9.12.33): «Занимаюсь математикой – сочиняю новые формулы для геофизики и педифизики, т.е. физики почвы и грунта, разработал математический способ оценки деятельности рабочих трудовых групп, przygotowуюсь к лабораторным и полевым исследованиям»²².

Режим в лагерях Дальнего Востока в те годы был достаточно, если можно так сказать, либеральным. Флоренскому дали возможность поглядеть с семьей. Летом 1934 года Анна Михай-

Младший сын, Михаил Павлович Флоренский, Мика, с собакой Санekom. Возможно, такая фотография была среди посланных Павлу Александровичу в Соловки. Зима 1936–1937 гг.

ловна с тремя младшими детьми совершила долгое путешествие, чтобы (последний раз) увидеть мужа, а дети – отца. Флоренский перед их выездом дает детям наставления и советы. Тике, самой младшей дочери (26.05.34): «...из кукол возьми себе одну или две, не больше, а то трудно будет ехать им такую длинную дорогу. Бери малышкой, а большие как-нибудь обойдутся и сами без тебя»²³. Михаилу (26.05.34): «Дорогой Мик, захвати с собой несколько крючков и леску, но удильника, конечно, привозить не следует. Книжки для чтения здесь найдутся какие-нибудь, поэтому возьми только на дорогу, чтобы не было скучно ехать. Слушайся маму и не кипятись»²⁴. Не успел кончиться трудный праздник встречи, как почти сразу, в августе, его отправили по этапу на Соловки. И снова он пересекал всю страну, на этот раз с востока на запад. Из письма жене (13.10.34): «Писать мне было нельзя <...> 16 авг. выехал из Рухлово, с 17 по 1 сент. сидел в изоляторе в Свободном, с 1 по 12 ехал со спецконвоем на Медвежью Гору, с 12 сент. по 12 окт. сидел в изоляторе на Медв[ежьей] Горе, а 13 приехал в Кемь, где нахожусь сейчас. По приезде был ограблен в лагере при вооруж[енном] нападении и сидел под тремя топорами, но, как видишь, спасся, хотя лишился вещей и денег; впрочем, часть вещей найдена. Все это время голодал и холодал. Вообще, было гораздо тяжелее и хуже, чем мог себе представить, уезжая со станции Сковородинской <...> Все складывается безнадежно тяжело <...> Живу я сейчас в колоссальном бараке и притом в огромной комнате с нацменами, так что слышу разговор на всех восточных языках <...> Постоянно вижу всех вас перед собою, несмотря на сильное ослабление памяти и общее отупение»²⁵. В 1934 году режим лагерей ужесточался, как будто готовилось что-то недоброе, и он это остро ощущал. Из Кеми, измученного и голодного, его вывезли 20 октября и 23-го того же месяца по морю доставили на Соловки. Заключенных перевозили в переполненных трюмах.

Позже, уже в конце 1935 года, он вспоминал об этой поездке в одном из писем (16.12.35): «Холодов сильных нет, часто на границе таяния, но метет метель и шумит ветер. Жутко в такую погоду плыть по Белому морю! Свой переезд я до сих пор вспоминаю с содроганием: нас бросало головами от стены к стене так, что мы приехали в синяках и кровоподтеках, каюту на борту захлестывало холодной водой, в которой беспорядочно плавали

²¹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 51, 67.

²² Там же. С. 52.

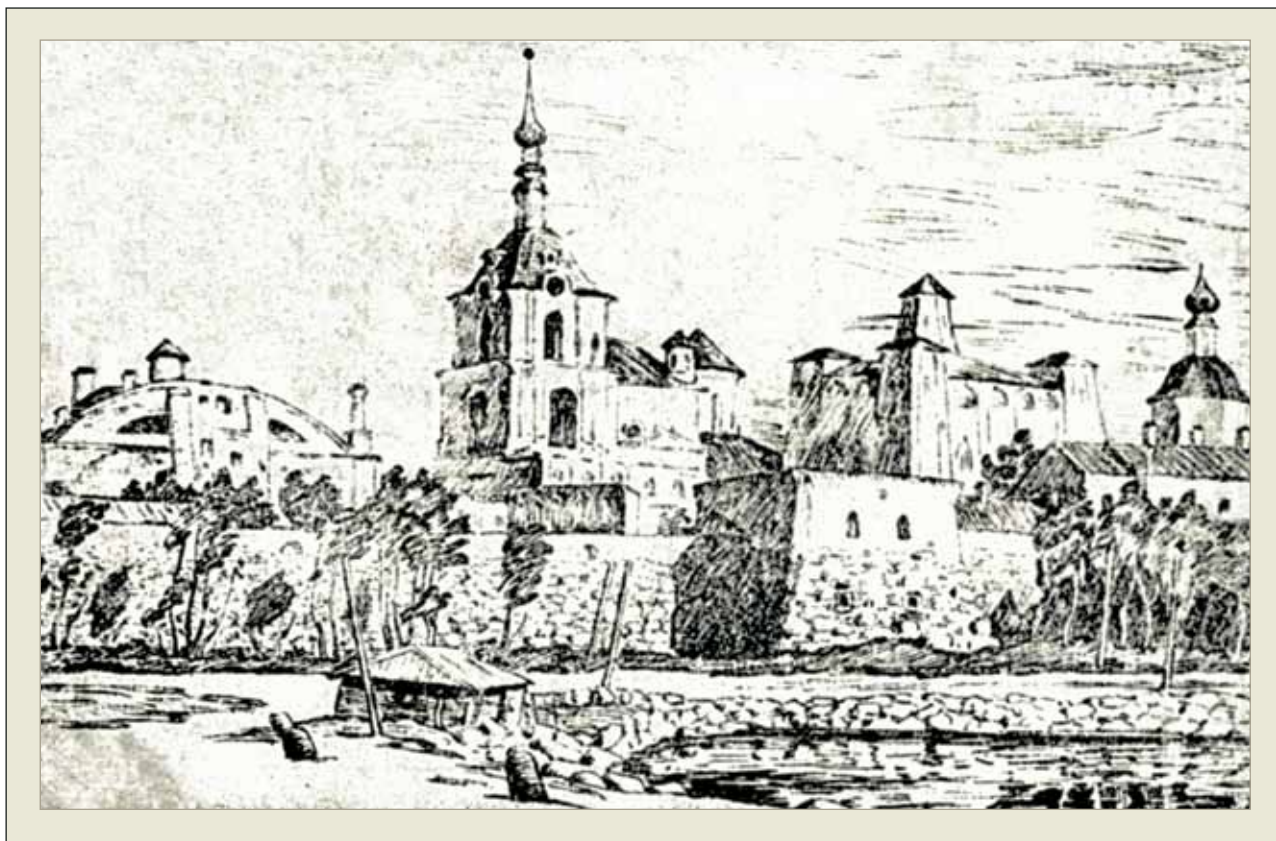
²³ Там же. С. 128.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 139.

чемоданы и высыпающиеся вещи, всех тошнило и рвало, а кругом было ослепительно темно и ревели волны»²⁶. Когда они под крики конвоиров, шатаясь и поддерживая друг друга, сошли на берег, Флоренский увидел над собой хмурое серое небо, о берег били косматые волны, и до самого горизонта тянулось неприветливое осеннее Белое море, которое он назвал Черным... И в этом названии как бы было предчувствие собственной трагической и мученической судьбы. Здесь, на этом острове, он ощутил это наиболее сильно, сразу после

да и покупать здесь нечего и негде. Вещей, кроме тех, которые я буду просить, *не посылайте никаких*, можно быть уверенным, что они пропадут у меня в ближайшие же дни <...> Живу в камере, где 50 чел., люди совсем мне неподходящие, очень неудобно»²⁷. Он был лишен здесь того уединения, которое ему было так необходимо и к которому, работая и размышляя, он за многие годы привык. Ему казалось, что его, как раба на рынке, выставили на всеобщее обозрение и каждый день заставляют делать самую черную работу, чтобы показать,

3/к Осип Эммануилович Браз (1873–1936). Соловки. Кремль. Открытка, изданная Управлением Соловецких лагерей особого назначения. 1926–1927

первых шагов по соловецкой земле. Над островом возвышался монастырь, обнесенный высокой стеной из необработанного камня. И этот монастырь, превращенный теперь в тюрьму, и хмурое осеннее небо, и угрюмое темное море, бившееся о берег, и цепь заключенных, тянувшаяся в глубь острова, – все это производило впечатление безысходности и безнадежности. С первого же дня его отправили на сбор овощей. Нормы были высокие, а сил для выполнения их у него не было. Он понимал, что его способности, его знания используются не по назначению, и сожалел о нерациональной потере времени. Из письма матери 5.11.34: «Денег мне не присылайте, все равно их мне не выдадут,

что он может. Ему снились нехорошие, неясные сны, в которых он почему-то не видел близких и просыпался с тоскливым ощущением потери. Но постепенно все как бы утряслось – то ли он сам приспособился к обстановке, то ли новая работа, к которой был приставлен, пробудила в нем надежду, утерянную, как ему казалось, насовсем. Из письма от 30.11.34: «Во-первых, с 15 ноября я попал на постоянную работу, в Иодпром, т.е. на производство иода из морских водорослей. В связи с этим я переведен в другую колонну и потому в другую камеру. Теперь я живу с вполне приличными сожителями, а не с бандитами и урками, и нас немного: было шесть, стало пять <...> Вероят-

²⁶ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 344.

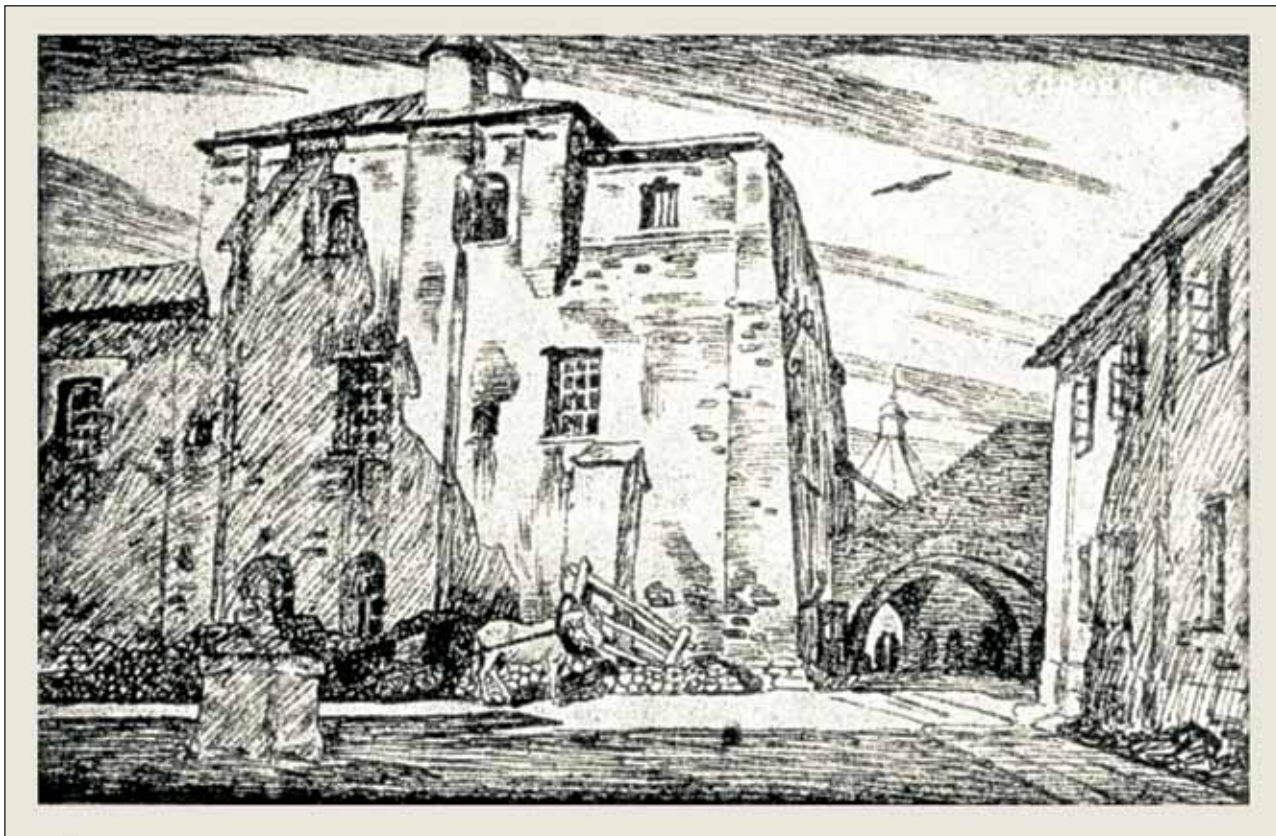
²⁷ Там же. С. 145.

но, в дальнейшем удастся поставить кое-какие исследования по водорослям»²⁸.

Наступила зима, остров покрылся снегом, спрятав под ним все свои безобразия. Лаборатория по йоду находилась в двух километрах от Кремля, где была камера Флоренского. Он проходил этот путь дважды в день, и это его стало успокаивать, он восстанавливал свою способность видеть окружающий мир и замечать красоту природы. Из письма жене от 3.12.34: «Хожу туда снежной дорогой, в лесу полная тишина, снег

та. М.б., от моего заключения будет хоть та польза детям, что они приобретут таким образом кое-какие сведения и впечатления о своей родине»³⁰. Сам же он приобретал такие знания вполне «жизненно» и наглядно. Из воспоминания Ю.И. Чиркова, находившегося в заключении на Соловках вместе с Флоренским: «Иодпром и проектное бюро находились за Кремлем на значительном расстоянии, и в непогоду походы туда были нелегкими. Котляревский рассказывал, что однажды в бурный день начала зимы, когда густо валил крупными хлоп-

З/к Осип Эммануилович Браз. Виды Соловков. Успенский собор. Открытка, изданная Управлением Соловецких лагерей особого назначения. 1926–1927

глубокий, пушистый, нетронутый; разве что где-нибудь дорожка из следов горностая. Иду дорогой и думаю о вас. Зимой здешний пейзаж стал похож на Сергиевский»²⁹. Письма детям становились все содержательней и во многом напоминали его сковородинские весточки. Из письма жене от 15.12.34: «Я нарочно стараюсь писать разные подробности о природе, чтобы они (дети. – Л.Ш.) понемногу знакомились с географией, возможно наглядно и жизненно; мне хочется наполнить географические названия живым содержанием, чтобы появилось представление о том, что же такое наш Север, что такое Белое море и другие мес-

ями мокрый снег, он встретил Флоренского и Литвинова по дороге в Кремль. Ученые мужи тяжело брели навстречу ветру, опираясь на длинные палки. Шапки, бороды, лица у них были залеплены снегом. Они останавливались, протирали очки и шли дальше, при этом еще беседуя. Несколько раз под напором бури они падали на гололеде, скрытом снегом. Котляревский помогал им подняться, а Павел Александрович шутил и говорил о перспективах использования энергии ветра»³¹.

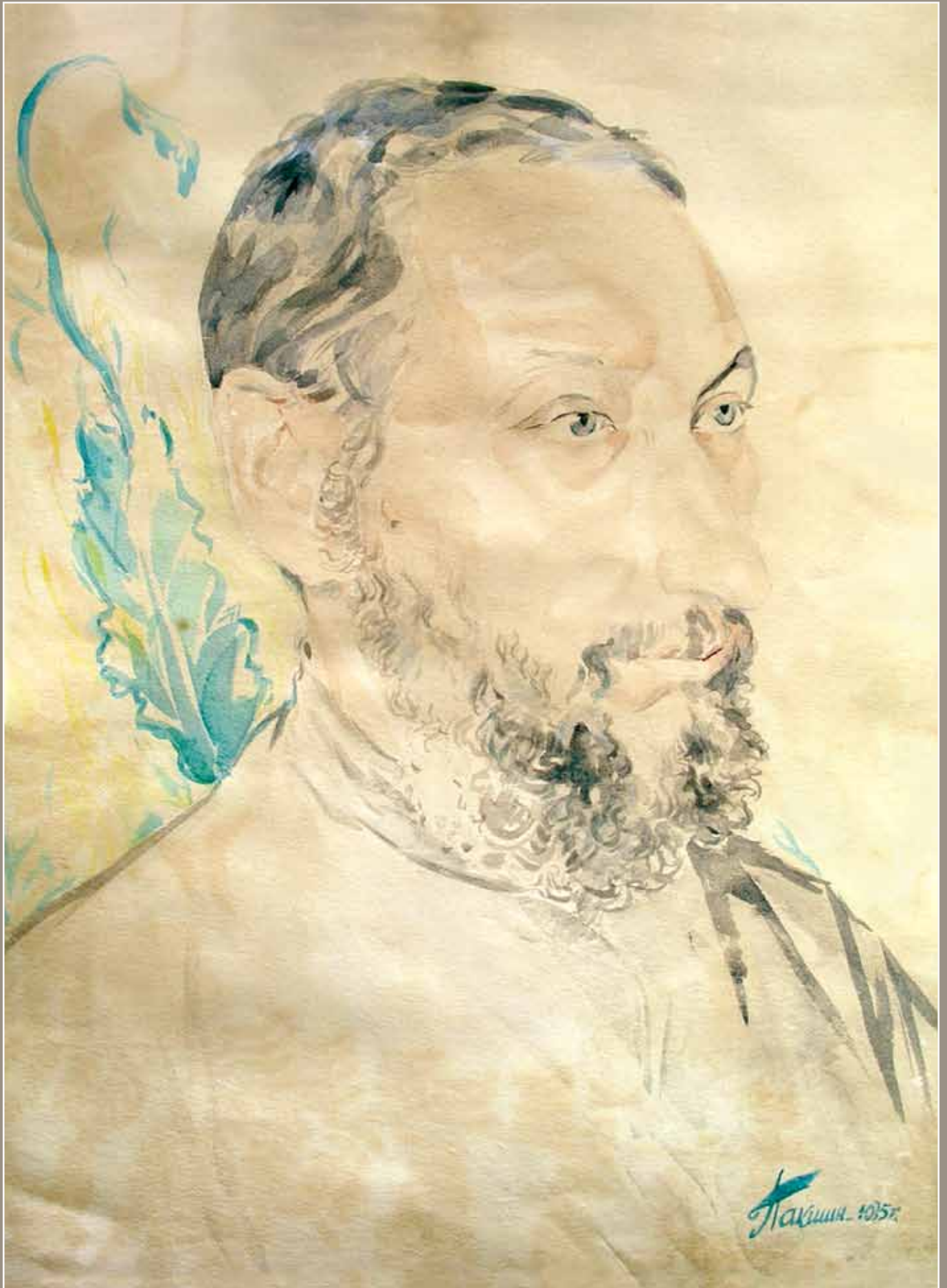
До рокового выстрела в Смольном, который изменил судьбы заключенных в лагерях и судьбы миллионов людей «на воле», оставалось совсем

²⁸ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 148.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 153.

³¹ Там же. С. 742.

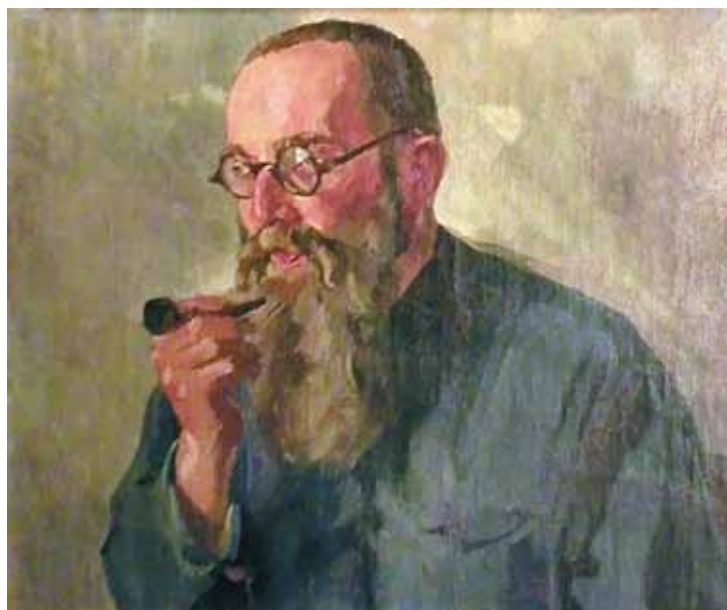

немного. Убийство Кирова развязало руки спецслужбам, началось очередное ужесточение режима в лагерях, по стране с нарастающей силой покатилась волна репрессий, ударившая самым страшным образом по всем областям жизни СССР. На Соловках стали переводить заключенных с места на место, и Флоренский начал опасаться за свою работу. В таких условиях исследования вести было крайне трудно. Он сожалел еще и о том, что не мог реализовать накопленный им опыт исследований и размышлений. Из письма Кириллу от 24–25.01.35: «...самое скверное в моей судьбе – разрыв работы и фактическое уничтожение опыта всей жизни, который теперь только созрел и мог бы дать подлинные плоды <...> Если обществу не нужны плоды моей жизненной работы, то пусть и остается без них, это еще вопрос, кто больше наказан, я или общество, тем что я не проявлю того, что мог бы проявить. Но мне жаль, что я вам не могу передать своего опыта»³². Сейчас даже трудно себе представить, сколь обеднела наша страна, да и мы с ней, лишившись такого гениального ученого и блистательно-философа, погибшего в расцвете своих творческих сил. Но тьма не знает пощады тем, кто подрывает ее устои, кто знаниями сокрушает невежество.

Он еще продолжает заботиться об образовании детей, рассказывая им о Соловках или обсуждая с ними нужные им вопросы. Каждый из них стал теперь на два года старше. Из письма дочери Ольге от 5.03.35: «Тут, на островах Соловецкого архипелага, существуют замечательные сооружения, называемые в археологии лабиринтами, а в народном языке “вавилоннами”. Это – выполненные из камней, преимущественно валунов величиною с голову, иногда меньше, до кулака, узорные дорожки с запутанным ходом; в одних случаях промежутки между каменными лентами идут непосредственно к центру, в других же случаях – разветвляются и приводят к тупику. Попав в центр, обыкновенно не сразу можно выбраться оттуда, и после прохождения некоторого пути приходишь на старое место. Форма лабиринтов различная – круглая, эллиптическая, подковообразная. В середине лабиринта бывает со-

оружие из камней, напоминающее маленькую гробницу. На прилагаемом рисунке показан план Большого лабиринта Соловков. Подобных сооружений существует вообще много – в Англии, в Бретани, в Скандинавии, на Кавказе <...> все они считаются принадлежащими родственным культурам, но ни народность, их строившая, ни время их построения, ни назначение – неизвестны. Среди разных предположений кажется наиболее вероятно, что они относятся, по крайней мере в ос-

З/к Роман Николаевич Литвинов.
Художник з/к Ю. Решетников. 1936.

Из письма Р.Н. Литвинова жене, которой он передал свой портрет во время свидания (сентябрь 1936): «Картину, оказывается, надо покрыть лаком. И натянуть на подрамник. Как я доехал в свернутом виде? Что сказал по этому поводу сын? Жаль, что кроме домашних в широком смысле слова (включая жильцов дома) никто его не увидит». Из лагерных документов: «Литвинов Роман Николаевич, 1890 г.р., русский, гр. СССР, Ур. г. Варшава (Польша), из дворян, служащий, обр. высшее, химик-технолог. Работал зав. кафедрой в г. Горьком. Осужден КОГПУ 01.06.34 по ст. 58-8-10 и 11 УК на 10 лет ИТЛ». Приговорен к высшей мере наказания 10 ноября 1937 г. и расстрелян в одну ночь с П.А. Флоренским 8 декабря 1937 г.

новном, к неолиту и ко временам примерно VI–V века до нашей эры; строили их, как думают, германцы, оттесненные кельтами, а затем лопари, заимствовавшие эти постройки от германцев. Думают, что устройство лабиринтов связано с культом умерших и назначено для воспрепятствования душе умершего, похороненного в центре, выйти

³² Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 172.

◀ З/к П.А. Флоренский. Акварель художника з/к П.Н. Пакишина. 1935

Из письма к А.М. Флоренской №27 от 15 августа 1935 г.: «В подарок тебе, к 24-х летию нашей свадьбы посылаю тебе портрет. Это – работа хорошего художника, все говорят, что есть большое сходство; но мне судить трудно. Во всяком случае, лучшего здесь не получишь. На фоне – водоросли, на память о работе этого времени».

наружу, – первоначально, по крайней мере. Впрочем, эти предположения, хотя и более вероятные, – дело темное. Кромлехи, менгиры, кэрки и, наконец, древний Критский лабиринт, – вероятно, родственны между собою и с лабиринтами Соловков и Мурмана, хотя различаются между собою размерами, начинающимися огромным дворцом-лабиринтом Кносса (на Крите) и кончая клумбами или постройками в несколько метров поперечником, а затем – узорами и вышивками на тканях»³³.

Из письма сыну Василию от 6–7.04.35: «Ты правильно пишешь о происхождении многих минералов при температурах вовсе не таких высоких, как это принималось раньше. Однако надо думать, что и принимаемые в настоящее время температуры их образования будут еще снижены, за счет давлений и длительности образования. Два примера тут особенно поучительны. Один – образование кристаллов кварца со включениями нефти, которые привез Кирилл; можно быть уверенным, что они возникли при температуре не выше 150–200°. Другой пример – слюды. Вероятно, ты знаешь о получении синтетического мусковита из геля – смеси гидрата окиси алюминия и кремнекислоты с небольшими добавками растворимых солей калия и др. Сообщение об этом син-

Кирилл Павлович Флоренский – лаборант академика В.И. Вернадского. 1937

Тинатин (Мария) Флоренская и Наталья Ивановна Флоренская, жена Василия Павловича Флоренского. Фото М.П. Флоренского. Лето 1936 г. Эта фотография была послана Павлу Александровичу в Соловки

тезе было напечатано в “Die Naturwissenschaften” за 1932 г. Синтез произведен в водной среде при температурах порядка, если не ошибаюсь, 150–200°, но под большим давлением, из водной среды. В свое время я предпринимал шаги к повторению этого синтеза и намеревался разработать условия получения крупных кристаллов мусковита. Припоминается еще пример, из моих работ: графит из мариупольских гнейсов обнаруживает своеобразные дифракционные круги на лауэграмме, отсутствующие в лауэграммах других подобных же графитов. Но после прогрева мариупольского графита до, примерно, 100° с чем-то эти круги исчезают, и лауэграмма мариупольского графита ничем не отличается от лауэграмм прочих, с того же размера кристаллами»³⁴.

И, наконец, из письма сыну Кириллу от 6–7.04.35: «Может быть, ты не пишешь, потому что не знаешь, как ответить на химические вопросы. Но ведь я задавал их больше для тебя, чем для себя, просто, чтобы ты подумал и научился чему-нибудь новому из анализа <...> Для определения иода мы теперь уже почти подработали потенциометрический способ, который дал хорошие результаты, а также электротитрование с азотнокислым серебром. Потенциометрический способ состоит в измерении при помощи потенциометра электродвижущей силы гальванической пары с двумя серебряными электродами, один из которых заключен в трубочку с 0,01N азотнокисл. серебром, отделенную в суженном конце от среды пробкой из агар-агара, сваренного на 0,01N азотно-

³³ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 190–192.

³⁴ Там же. С. 204–205.

кислом калии. Другой электрод опускается в испытуемый раствор. Для большей безопасности полуэлемента, т.е. первого электрода, можно, но не обязательно, погружать его в особую баночку с 0,01N азотнокислым калием, из которой идет сифонная трубка, залитая агар-агаром, сваренным на 0,01N аз.-кисл. калии. Конец этого сифона (“ключа”) погружается в испытуемый раствор»³⁵. Надо сказать, что описываемое устройство измерения содержания йода в агар-агаре было изобретением самого Флоренского. Читая его письма к детям, поражаешься объему и глубине его знаний в различных областях – истории, искусстве, археологии, геологии, химии, электротехнике и многих других, не упомянутых в этих трех письмах. Он не просто знал о чем-то, а проявлял высокий профессионализм в знаниях, которыми владел. Он превзошел в этом отношении энциклопедистов эпохи Возрождения, ибо объем их знаний был гораздо меньше, чем тот, которым владел Флоренский.

И вместе с этим – письмо к Тинатин, младшей дочери, как будто его писал другой человек (13.05.35): «В Кремле множество чаек, все они кричат, галдят, квохчут, издают индюшачьи звуки, плачут, но в отличие от своих звуков красивы, особенно когда летят. И вот слышал я у них разговор. Одна чайка сообщает другой, что она недавно из Москвы и была в городе, называемом Загорском. И говорит: а есть там девочка, Тика, у нее матросское платье, очень красивое, очень красивое, видела ли ты его? А другая отвечает: непременно слетаю посмотреть. Я подошел к ним ближе, но они улетели»³⁶.

Шел месяц за месяцем, один сезон сменялся другим, но ничего не было слышно о суде, который должен был состояться над политическими заключенными Соловков. Осенью 1935 года лабораторию закрыли, а Флоренского перевели в конструкторское бюро, где он быстро и легко освоился с довольно сложной работой. И снова его феноменальные способности вызывали удивление коллег. Казалось, что в прошлом он прошел через многие времена и пространства, собрал самые разнообразные знания и принес все, им накопленное, в XX век, чтобы что-то изменить в мышлении и сознании своих современников. Но лагерь крайне сузил возможности проявления этих знаний, ограничив свободу гениального творца и сведя их попросту к нулю.

«Тут погода, – писал он домой 16.09.35, – очень неустойчивая: то ветер, то дождь, то солнечно и тепло, сегодня даже был совсем летний (т.е. здешний летний) день, а то ночью мороз. Осень блис-

тает удивительными красками: тона розовые, розово-сиреневые, заревые, желто-розовые – так вы листья вороньего глаза, черники, голубики, березок – и множество красных и темно-фиолетовых ягод. Осень тут надвигается медленнее, чем в Москве, и потому краски особенно разнообразны и нежны. Вообще, по цветовым тонам – неба, воды, растительности – Соловки клад для художника: сплошной Гоген»³⁷.

Его наблюдения удивительны и подчас просто уникальны. Они исполнены воображения, гармонично сочетающегося с теми знаниями, которые он нес в себе. «В книге Вернадского, – пишет он

Портрет з/к П.А. Флоренского.

Художник з/к Д.И. Иванов.

Из лагерных документов: «Иванов Дмитрий Иосифович, 1880 г.р.; Ур. г. Ленинграда, высшее художественное обр., художник-скульптор, до ареста работал в г. Ленинграде в разных учебных заведениях преподавателем графических искусств. Засед. КОГПУ 10.01.32 пост. 58-8 и 11 УК РСФСР приговорен к расстрелу с заменой 10 лет л/св». Снова осужден к высшей мере наказания 10 февраля и расстрелян 20 февраля 1938 г. Из письма П.А. Флоренского к А.М. Флоренской №17 1935.IV.27-28: «Я просил одного художника сделать с меня зарисовку; она готова. Собираюсь сейчас закрепить ее бакелитовым лаком (изготовил 3 см² на скорую руку), но надо сперва сделать пульверизатор. Если можно будет, то пришлю тебе. Сходство есть, но не со мною, а родное, несколько похоже вышло на Шуру (брат П.А. Флоренского. – Прим. ред.)».

³⁵ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 206.

³⁶ Там же. С. 224.

³⁷ Там же. С. 296–297.

П.А. Флоренский. Пейзаж. Надпись на обороте: «Краски зари. NNO. 1936.V.31. 3 часа утра. Соловки. П.Ф. Р.С. Время не астрономическое, а гражданское». Из письма №63 от 31 мая 1936: «Посылаю эту зарисовку Тикульке (Марии–Тинатин. – Прим. ред.). Краски неба – самое красивое, что есть на Соловках».

сыну Кириллу (16.09.35), – вычитал о древности карельских кристаллических пород и в особенности о побивших мировой рекорд по древности синепальских. Это хорошо сочетается с видом кремлевской стены и строений – из валунов, так что чудится что-то циклопическое, тем более что башни и все постройки в нижней части расширяются, как комель у сосен и елей, луковицей. Валуны стен поросли желтым лишаем, словно выкрашены. Возят грузы здесь больше на быках, очень породистых, массивных и архаичных. Когда въезжает в проход

Святых Ворот телега, запряженная быком, то представляются времена доисторические, какой-то архаический ритуал, – так срастаются впечатления от величественного быка и тяжелых, несколько бесформенных каменных кладок. Одни из быков здесь высокорогие, с длинными острыми рогами, а другие, и они особенно стильны, очень тяжеловесные, с короткими, толстыми и тупыми рогами; эти мне ближе, более египетские»³⁸.

В 1936 году его поселили при йодном заводе, размещенном к северу от Кремля, в котором

³⁸ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 298.

Вверху: П.А. Флоренский. Рисунок «Поперечный срез ножки водоросли *Laminaria cligata*». Акварель. Из письма №76 от 19 октября 1936 г.
Внизу справа: П.А. Флоренский. Рисунок «Строение поверхности водоросли *Carollina officienalis* L.». Тушь. Из письма №75 от 11–12 октября 1936 г.
Внизу слева: П.А. Флоренский. Рисунок «Меридиональные сечения стебля *Laminaria Cloristoni*». Тушь, цветные карандаши. Из письма №60 от 8 мая 1936 г.

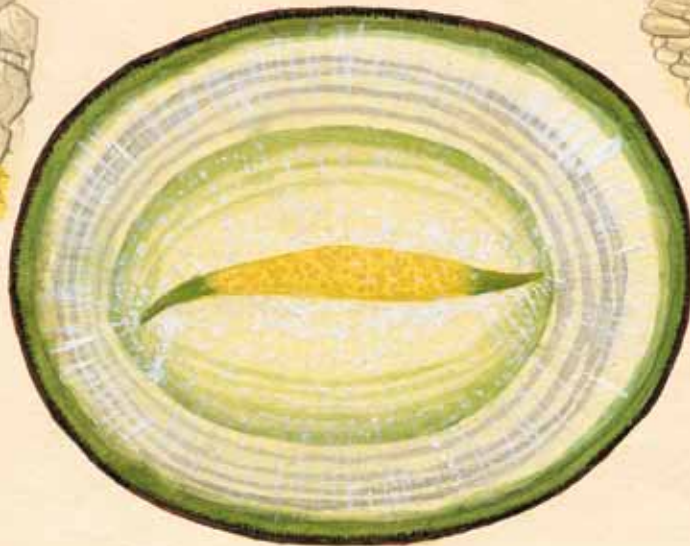
Водоросль *Corallina officinalis* L.

Поперечный класток
30-40μ

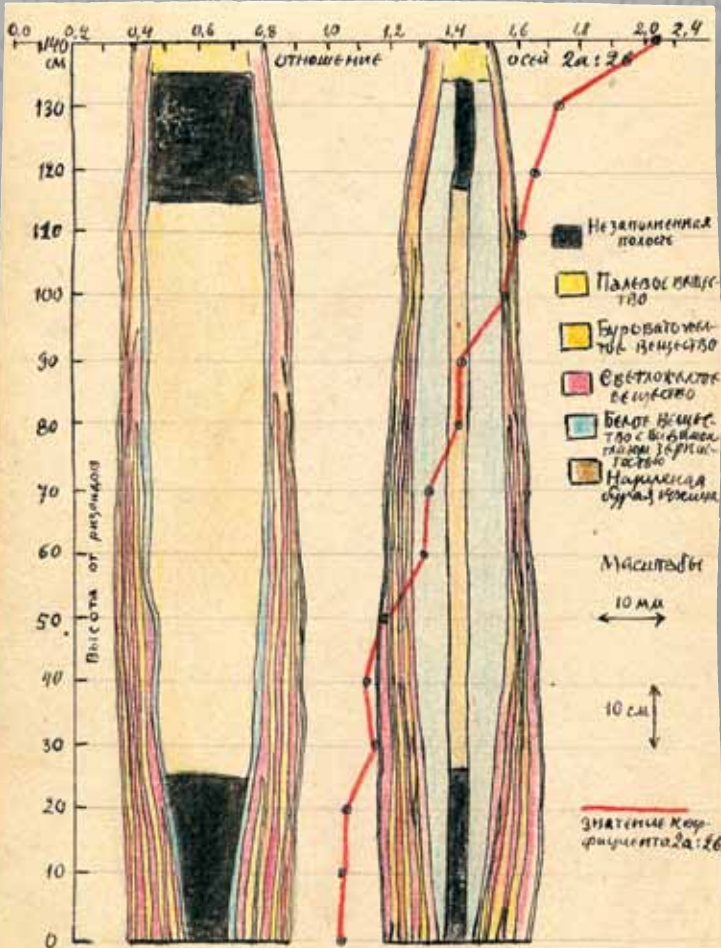

схема строения

Больший поперечный
класток 34-60μ,
Меньшки 10-20μ.

Поперечный срез ножки водоросли *Laminaria digitata*,
обработанный глицерином.
В середине — общий вид среза под микроскопом при проходящем свете. Увеличение ок. 5 раз.
Слева — часть ткани возле ядра, а справа — возле кляжицы; оба изображения при увеличении ок. 250 раз. Схема строения — семейство концентрических эллипсов и гипербол.
1936. X. 8-9. В. Давид.

Меридианный срез стебля *Laminaria Cloustoni*.
Водоросль выращена в начале апреля 1936 г.

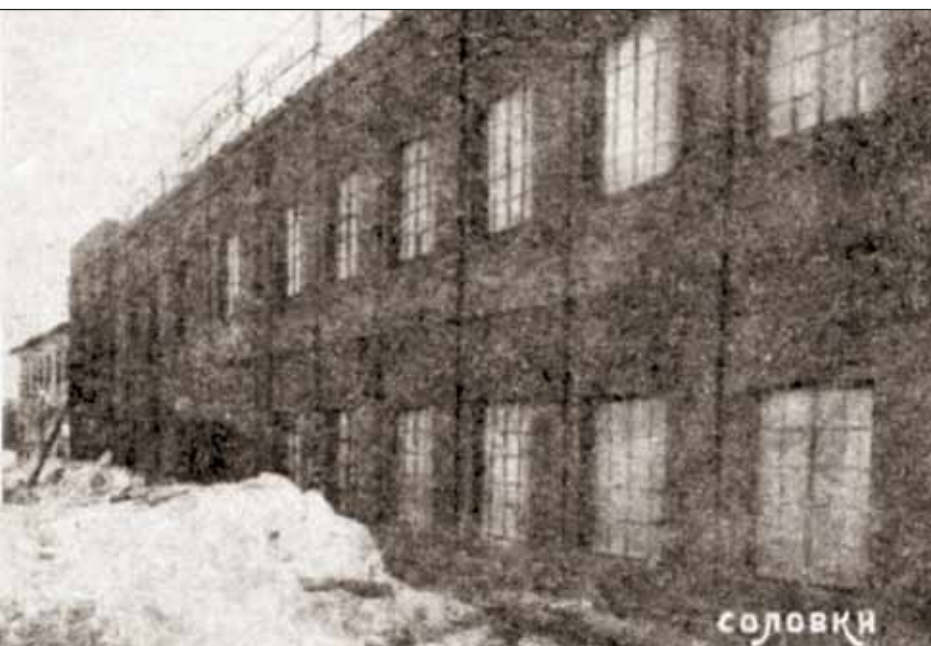

1000:1
нат. в. д.

Строение поверхности водоросли
Corallina officinalis L.
из Белого моря, выброшенной в
середине октября 1936 г. на берег у
Нервигей.
Поперечник ямочки 6:10μ.
Увеличение ок. 1000 раз.
Ямочки расположены параллельными
рядами, наклоненными к оси вето-
тек слоевища (т.е. по винтовым лини-
ям). Ось слоевища на рисунке вертикаль-
на. Препарат получен травянистым сло-
ем. Вид водоросли соляной кислотой,
после чего стал почти прозрачным.
1936. XII.

Кожзавод. Открытка, изданная Управлением Соловецких лагерей особого назначения. Соловки. 1926–1927. В этом помещении находился агаровый завод, где работал и некоторое время жил з/к П.А. Флоренский

находилась столовая для заключенных. «Это – большое двухэтажное здание, – из письма 29.02–1.03.1936, – правая половина которого занята проектным бюро, а левая – заводом, лабораториями и комнатой общежития <...> Живу я во втором этаже этого старого здания, тут же часть лабораторий. Производственная же лаборатория или, точнее, цех находится в постройке XVI в., со сводчатым потолком на столпах, небольшими окнами, прорезанными в толстых массивных сте-

Соловки. Крепостные башни. Открытка, изданная Управлением Соловецких лагерей особого назначения. 1926–1927

нах, и мрачным видом, вроде кухни ведьм или кабинета Фауста. Тут стоят опытно-производственные установки: чаны, шаровая мельница, самодельные, а потому средневекового вида шкивы и колеса, различная деревянная утварь, в частности ящики, которым ради экономии материала придали вид гробов. Урчит и клубится пар, льется и капает вода, скрипит и гремит шаровая мельница, распространяются запахи водорослей разных видов. Посреди помещения выемка-спуск, занимающая половину площади; сток для воды, сооруженный из кирпича; полы каменные, из больших квадратных плит. Рядом в сушилке 62°, а за дверью – морозятся экстракты агара <...> Встаю в 8 ч. и бегу в Кремль завтракать <...> После завтрака обход всех работ, обсуждение, консультация, записи, составление отчетов; так до 6 ч., когда надо опять бежать в Кремль, обедать <...>

Часов с 7 иногда сплю, когда удастся. Ведь работа идет сменная, круглые сутки. С 8 или 9 часов опять та же беготня из верхнего этажа в нижний и обратно, но неск[олько] тише в здании, т.е. работают не все. В это же время что-ниб[удь] вычисляю, иногда удастся немного почитать. Обычно сижу до 4–5 часов. Но нередко, когда заснешь, приходит будить сменный рабочий с каким-ниб[удь] недоразумением. Такая жизнь не дает делать что-ниб[удь] творческое, но зато не дает и думать о том, что привело бы в уныние»³⁹.

Работа была на износ и не допускала никаких размышлений и появления новых идей. Усталость все росла и временами становилась такой тяжелой, что ему казалось – он больше не выдержит. Но наступал новый день, сегодняшний день был похож на вчерашний, и он снова начинал делать свое нелегкое дело. Время от времени его охватывало острое чувство одиночества, как будто он был брошен в эту «кухню ведьм», откуда ему уже не выбраться. Но за него хлопотали, хлопотала жена, друзья и коллеги, которые понимали все значение великого ученого и представляли себе, что делают с такими в концлагерях СССР. В этом же 1936 году быв-

³⁹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 398.

ший первый президент Чехословакии, известный философ Томаш Масарик обратился в НКВД через посла своей страны в Советском Союзе с просьбой предоставить Флоренскому возможность как крупному ученому выехать в Чехословакию, где он сможет продолжить научную работу⁴⁰.

Флоренский сделал свой выбор намного раньше, чем попал в лагерь. «Можно сказать, – пишет один из крупных философов России С.Н. Булгаков, – что жизнь ему как бы предлагала выбор между Соловками и Парижем, и он избрал... родину, хотя то были и Соловки, он восхотел до конца разделить судьбу со своим народом. О. Павел органически не мог и не хотел стать эмигрантом в смысле вольного или невольного отрыва от родины, и сам он и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее ее преступление»⁴¹.

Решения, которые принимал путем долгих и мучительных раздумий, Флоренский никогда не менял. Свой выбор «между Соловками и Пари-

жем» он сделал вполне осознанно и не собирался его менять. Это подтвердила его жена Анна Михайловна. О предложении Масарика Анна Михайловна узнала от Е.П. Пешковой, которая в то время пыталась добиться освобождения Флоренского. «После моих переговоров, – пишет Екатерина Павловна, – с женой Флоренского, которая заявила, что за границу уехать ее муж не захочет, я просила лишь об освобождении Флоренского “здесь”»⁴². Заявление Анны Михайловны основывалось не на желании жены оставить его «здесь», а на полной осведомленности о настроении ее мужа – не покидать родину ни при каких обстоятельствах.

Просьба Томаша Масарика и Е.П. Пешковой об освобождении Флоренского не была удовлетворена.

«После теплых дней, – пишет Флоренский в письме от 8.05.36, – внезапно наступило похолодание. Погода осенняя. Холодные сев.-зап. шторма, сбивающие с ног. Руки зябнут в 5 мин., пока дей-

⁴⁰ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 750.

⁴¹ П.А. Флоренский: Pro et contra. С. 400.

⁴² Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 750.

Лагерная библиотека. 1929. Фото из архива Соловецкого музея

дешь до Кремля с баульчиком, содержащим хлеб, и с моей обычной палкой (хожу всюду с палкой вроде посоха). Этими штормами разбило лед на море и, следовательно, путь открыт. Вместо белой пелены на месте моря видны голубовато-серые, стальные поверхности воды. По Святому озеру бегут белые гребни. Неистово кричат чайки»⁴³.

Но ни к острову своей неволи, ни к жизни на нем он никак не мог привыкнуть. Настолько все окружавшее его было абсурдным, что временами ему казалось, что все это не существует в действительности, а происходит в дурном и страшном сне. Но сон не кончался, и все это оставалось с ним, и ему надо было выживать. И тогда он понял, сколь хрупок, но в то же время и стоек человек и что жизнь, ему дарованная, обладает какой-то таинственной силой, которую не так легко уничтожить или победить. «Жизнь напоминает мне, – писал он сыну Кириллу, – тоненькую свечку, горящую при бурном шторме. Скорее удивительно, что ее не задувает мгновенно, чем то, что она все-таки не гаснет всегда, во всяком случае»⁴⁴.

Наступал 1937 год, и он своей обостренной интуицией чувствовал в нем какую-то угрозу, какую-то перемену в своей судьбе и явно к худшему. Свое первое письмо в этом году он написал домой 7 января: «Вот и старый стиль привел новый год. Знаменья его дня меня не веселят: видел сегодня бабушку вашу – мою маму, в грустном виде; смотрел на северное сияние, величественное, но над чернейшим, вероятно тучевым, сегментом; слушаю завывания ветра. Да и все как-то тревожно и уныло»⁴⁵. 1937 год был годом Пушкина, громко и пышно отмечалось столетие со дня его гибели. Размышления о великом поэте как-то очень к месту накладывались на невеселые мысли о своей судьбе и рождали философские выводы о Великом и посредственном в истории человеческой культуры. Он изложил все, о чем думал, в письме жене, самому своему близкому другу (13.02.37). «...На Пушкине проявляется лишь мировой закон о побивании камнями пророков и постройке им гробниц, когда пророки уже побиты. Пушкин не первый и не последний: удел величия – страдание, – страдание от внешнего мира и страдание внутреннее, от себя самого. Так было, так есть и так будет. Почему это так – вполне ясно; это – отставание по фазе: общества от величия и себя самого от собственного величия, неравный, несоответственный рост, а величие есть отличие от средних характеристик общества и собственной организации, поскольку она прина-

длежит обществу. Но мы не удовлетворяемся ответом на вопрос “почему?” и хотим ответ на вопрос “зачем?”, “ради чего?” Ясно, свет устроен так, что *давать* миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонением. Чем бескорытнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни, основная аксиома ее. Внутренно сознаешь его непреложность и всеобщность, но при столкновении с действительностью в каждом частном случае бываешь поражен, как чем-то неожиданным и новым. И при этом знаешь, что неправ своим желанием отвергнуть этот закон и поставить на его место безмятежное чаяние человека, несущего дар человечеству, дар, который не оплатить ни памятниками, ни хвалебными речами после смерти, ни почестями или деньгами при жизни. За свой же дар величие приходится, наоборот, расплачиваться своей кровью. Общество же проявляет все старания, чтобы эти дары не были принесены. И ни один великий никогда не мог дать всего, на что способен – ему в этом благополучно мешали все, все окружающие. А если не удастся помешать насилием и гонением, то вкрадываются лестью и подачками, стараясь развратить и совратить. Кто из русских поэтов, сколько-нибудь значительных, был благополучен? <...> Философы – в таком же положении (под философами разумею не тех, кто говорит о философах, но кто сам мыслит философски), т.е. гонимые, окруженные помехами, с заткнутым ртом. Несколько веселее судьба ученых, однако лишь пока они посредственны. Ломоносов, Менделеев, Лобачевский, не говорю о множестве новаторов мысли, которым общество не дало развернуться (Яблочков, Кулибин, Петров и др.) – ни один из них не шел гладкой дорогой, с поддержкой, а не с помехами, всем им мешали и, сколько хватало сил, задерживали их движение. Процветали же всегда посредственности, похитители чужого, искатели великого, – процветали, ибо они передельвали и поддельвали великое под вкусы [и] корыстные расчеты общества. – Недавно я позавидовал Эдисону. Как у него было использовано время и силы – благодаря наличию <...> всего материального и, главное, самостоятельности. А у нас время проходит зря, рассеиваясь на мелочи, несмотря на огромную затрату сил – потому что ничего не можешь устроить так, как считаешь нужным»⁴⁶.

В этом письме у Флоренского выплеснулось столько горечи, столько боли и скорби и не только за себя, а и за всю свою «команду», что трудно себе представить.

⁴³ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 463.

⁴⁴ Флоренский П. Оро. М., 1998. С. 112.

⁴⁵ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 640.

⁴⁶ Там же. С. 663–665.

Портрет з/к П.А. Флоренского. Художник з/к Д.И. Иванов. Апрель 1936 г.

Из письма Анне Михайловне Флоренской №59 1936. IV. 27-28: «Относительно моего портрета поступай как хочешь, хочешь – оставь его у себя, хочешь – дай Васе, можешь снять фотокопию. Рисовал этот портрет тот самый художник, который делал и первый, мною присланный Оле. Что же касается глаз, то я же не вижу своих глаз, но быть им особенно веселыми как будто не от чего (малого размера – от очков)»

Последнее письмо жене он отправил 18.06.37. В нем было что-то тревожное, недосказанное. «Жизнь наша резко изменилась; сидим безвыходно в Кремле, а т.к. работы почти нет, то во дворе всегдашняя толкучка. Заниматься при таких усло-

виях не приходится, несмотря на усилия, которые я делаю в этом отношении, да и настроение неопределенности мешает сосредоточиться на чем-нибудь, требующем усилия и внимания, главное же – подъема <...> Если придется уехать отсюда,

4 Карини
Р. А. [Signature]
УНКВД Пенитенциарии [Signature]
Генеральному [Signature]
Заместителю [Signature]
М. [Signature]

В соответствии с моим приказом № 00447 (разослан начальникам [Signature]) - П Р И К А З И В А Н:

1. С [Signature] августа начать и в 2-х месячный срок закончить операцию по репрессированию наиболее активных контр-революционных элементов из числа содержащихся в тюрьмах ГУГБ, осужденных за шпионскую, диверсионную, террористическую, повстанческую и бандитскую деятельность, а также осужденных членов антиоппортунистских партий (троцкистов, эсеров, грузынов, лещиных, итхатистов, мусаватов и т.д.) и прочих контрреволюционеров, ведущих в тюрьмах ГУГБ активную антисоветскую работу.

В Солонечкой тюрьме ГУГБ репрессированию подвергнуть также бандитов и уголовные элементы ведущих в тюрьме преступную работу.

2. Все перечисленные контингенты после рассмотрения их дел на Тройках при УНКВД подлежат расстрелу.

3. Вам для Солонечкой тюрьмы утверждается для репрессирования 1200 человек.

4. Установить следующий порядок оформления дел репрессированных:

Начальники тюрем ГУГБ, на основании материалов оперативного учета и личных дел составляли на каждого подлежащего репрессированию подробную справку с указанием в ней: фамилия, имя, отчество, за какие преступления, на какой срок и кем осужден, преступная деятельность (подлежащего репрессированию) в тюрьме в том числе побег, к.-р. выходы и злостные нарушения режима.

Справки подписываются пом.нач. тюрьмы по опер. работе (при отсутствии оперуполномоченных) и начальником тюрьмы ГУГБ.

Справки на каждого подлежащего репрессированию заключенного вместе с истребляем на него в оперчасти тюрьмы делом, и направляются тюрьмой ГУГБ на рассмотрение соответствующей республиканской, краевой или областной Тройки. Копии справок направляются в 10-й отдел ГУГБ.

СЕКРЕТАРИАТ
УНКВД СССР ПО
Вл. № 10-212-8
11/3 1937 г.

8. О ходе операции доносить мне через 10-й отдел ГУГБ ежедневными сводками.

В сводках сообщать количество репрессированных с указанием за какие преступления они отбывали наказание в тюрьме ГУГБ и за какие преступления подвергнуты расстрелу.

п.п. НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОМИССАР ГОС БЕЗОПАСНОСТИ - ЕЖОВ

ВЕРНО: ОПЕРСЕКРЕТАРЬ ИДЕО СССР
КОМЕРИГ

УЛЬМЕР/

№ 59190
16. VII. 1937 г.

Приказ Народного комиссара Внутренних дел Союза СССР, генерального комиссара государственной безопасности Ежова о сокращении в двухмесячный срок количества заключенных в лагерях. Для Солонечкой тюрьмы спущена разрядка репрессировать (т.е. расстрелять) 1200 человек. План перевыполнили, расстреляли 2 000 человек.

47
ой всех материалов
окол.
го осужденного
включается начальнику
но.
пециально отобран-
ГУГБ под личным
оличия по опера-
исполнение явля-
вания Тройки с
осужденного и
ника тюрьмы ГУГБ
исполнение
сужденных по
ся из УНКВД

СССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
УПРАВЛЕНИЕ НКВД
по
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
8-я УГВ
8 декабря 1937 г.
№ 193420
Адрес: пр. Володарского,
Тел. комм. УНКВД
Краткое содержание:

Сов. Секретно.

ЛД-2.

Лит. 81

Вх. № _____ На № _____ от _____ 1937 г.
(При ответах сослаться на наш №, число и Отдел).

ТОЛЬКО ЛИЧНО.

КОМАНДАНТУ УНКВД ЛО
СТАРШЕМУ ЛЕЙТЕНАНТУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ.

тов. ПОЛИКАРПОВУ.

П Р Е Д П И С А Н И Е.

Предлагается осужденных Особой Тройкой
УНКВД ЛО, согласно предлагаемых к нему копий
протоколов Тройки за № 184, 198 и 199 от
10 и 25 ноября с/г.

ВСЕГО - 509 человек.

прибывших из Соловецкой тюрьмы ГУГВ НКВД СССР-

- Р А О С Т Р Е Л Я Т Ь.

Исполнение донесите - представив акты.

ПРИМЕЧАНИЕ: При получении осужденных необходимо тщательно проверить установочные данные на каждого из них.

Акты в делах
Бирт

НАЧ. УПР. НКВД СССР
КОМИССАР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ЗАКОВСКИЙ

НАЧ. УПР. ОТДЕЛА УГВ
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ЕГОРОВ

А К Т . -

Приговор Тройки УНКВД ЛО по протоколу № 199
от 25 ноября 1937 года, в отношении осужденного к
ВМН ФЛОРЕНСКОГО, Павла Александровича
приведен в исполнение 8 декабря 1937 г., в чем и со-
ставлен настоящий акт.

Командант УНКВД ЛО
Ст. лейтенант Госбезопасности
А.Р. Поликарпов

" 8 дек. 1937 г.

Предписание о расстреле осужденных к высшей мере наказания 10 и 25 ноября 1937 года. Расстрел производился в канун первых выборов в Верховный Совет СССР с 8 на 9 декабря 1937 года. Расстреляно 509 человек, в том числе П.А. Флоренский и Р.М. Литвинов

Акт о приведении в исполнение приговора Тройки УНКВД ЛО. Подпись старшего лейтенанта госбезопасности А.Р. Поликарпова (покончил с собой 14 марта 1939 г.)

то жаль будет моря, хоть я и вижу его теперь издали»⁴⁷. Стояли белые ночи с их нездоровой туманной белизной, подсвеченной из самой ее глубины таинственным нездешним светом. Спать было трудно, да и не хотелось. С воли шла информация, в которую верилось с трудом. Сюда, на этот изолированный остров, она каким-то неясным путем проникала. Репрессии усиливались и в роковом тридцать седьмом достигли, казалось, своего апогея. Заключение передавали друг другу страшные известия о массовых арестах, пытках в подвалах Лубянки, расстрелах. Страна все больше и больше обрастала зловещей паутиной лагерей. Он подолгу стоял у окна и смотрел на далекое море, как бы прощаясь с ним. В голову приходили печальные, неожиданные мысли. «...Начинает казаться, что обстановка должна измениться, но не в ту сторону, которая была бы желательна, т.е. не на Дальний Восток»⁴⁸. Ему казалось, что время на этом странном острове без ночей остановилось и никогда больше не сдвинется с места, придя в противоречие с этим замкнутым пространством. Но время в действительности двигалось, и довольно быстро, а он не был в состоянии удержать его. Оно двигалось туда, куда в густейшую темноту уходили – и глохли – сполохи северного сияния, которое он видел в новый, 1937 год. За этой темнотой стояла неизвестность.

«Совершенно секретно. Нач. УНКВД Ленинград. Области комиссару госуд. безопасности I ранга т. Заковскому. г. Ленинград.

В соответствии с моим приказом №00447 (разослан начальникам НКВД) – приказываю:

1. С 25 августа начать и в 2-х месячный срок закончить операцию по репрессированию наиболее активных контрреволюционных элементов из числа содержащихся в тюрьмах ГУГБ, осужденных за шпионскую, диверсионную, террористическую, повстанческую и бандитскую деятельность, а также осужденных членов антисоветских партий (троцкистов, эсеров, грузмоков, дашнаков, итихатистов, мусаватистов и т.д.) и прочих контрреволюционеров, ведущих в тюрьмах ГУГБ активную антисоветскую работу.

В Соловецкой тюрьме ГУГБ репрессированию подвергнуть также бандитов и уголовные элементы, ведущих в тюрьме преступную работу.

2. Все перечисленные контингенты после рассмотрения их дел на Тройках при УНКВД подлежат расстрелу.

3. Вам для Соловецкой тюрьмы утверждается для репрессирования 1200 человек <...>

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Генеральный комиссар гос. безопасности – Ежов.

Верно: оперсекретарь НКВД СССР

№ / 59190 комбриг (Ульмер)

16.VIII.1937 г.»⁴⁹

Из воспоминаний Ю.И. Чиркова:

«...В конце августа урок куда-то увезли, а через день нас перевели в Кремль. П.А. Флоренский и другие видные сотрудники ПСБ, очевидно, были под замком. Ясно было одно: все изменения к худшему. В газетах бушевал шквал ненависти и подозрительности. Термин “враг народа” упоминался почти во всех статьях. Создавалось впечатление о множестве “врагов” во всех звеньях госаппарата, на производстве, в литературе, в армии и т.п. Казалось, все руководство вместе с великим сошло с ума»⁵⁰. И далее Чирков пишет: «...в конце октября неожиданно выгнали всех из открытых камер Кремля на генеральную проверку. На проверке зачитали огромный список – несколько сот фамилий, отправляемых в этап. Срок подготовки – два часа. Сбор на этой же площади. Началась ужасная суэта. Одни бежали укладывать вещи, другие – прощаться со знакомыми. Через два часа большая часть этаплируемых уже стояла с вещами. В это время из изолятора вышли колонны заключенных с чемоданами и рюкзаками, которые направлялись не к Никольским воротам, где была проходная, а к Святым воротам, которые выходили на берег бухты Благополучия. Я подбежал к краю “царской” дороги еще до приближения колонны и видел всех проходящих мимо, ряд за рядом, по четыре человека в ряду... На всех было одно общее выражение – собранность и настороженность...

В рядах, проходивших мимо, мелькнуло лицо профессора Флоренского, вот высоко несет голову седобородый профессор Литвинов (оба из ПСБ) <...>

И мимо, мимо идут ряды... Более тысячи заключенных было вывезено из Соловков в этот пасмурный октябрьский вечер. Это был второй этап из Соловков, названный “большим”...»⁵¹ Все три этапа были вывезены на Рабочий остров, а в это время в Ленинграде начала работать Особая Тройка.

⁴⁷ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 712.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 777.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 778.

Новомученик о. П. Флоренский (первый слева). Мозаика. Часовня Св. Марии. Италия, Ватикан

«Протокол №199
заседания Особой Тройки УНКВД Ленинград-
ской области
25 ноября 1937 года.

Председатель – Заковский.

Члены – В. Гарин.

Позери.

Секретарь – Егоров.

Слушали:

Дело №1043 14/37 Оперчасти Соловецкой

тюрьмы ГУГБ НКВД СССР – на 12 человек заклю-
ченных, осужденных ранее за к.-р. троцкистскую
деятельность. По делу обвиняются:

190. Флоренский Павел Александрович,
1882 г.р. ур. мест. Евлах, Азербайджан, русский,
гр. СССР, б/п. Осужден КОГПУ 26.VII.33 по ст.
58-10-11 УК на 10 л. ИТЛ.

Постановили:

Арх. №212727. Флоренского Павла Александровича расстрелять 8.XII.37 г.

Подписи»⁵².

⁵² Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 779.

И еще два документа, которые ставят государственную точку под судьбой и жизнью Павла Александровича Флоренского, «русского, гр. СССР, б/п.». Постановление Президиума Архангельского областного суда от 5.03.59 г.:

«Постановление Особой Тройки УНКВД по Ленинградской области от 25 ноября 1937 года в отношении Флоренского Павла Александровича отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления»⁵³.

Второй документ – ответ из Комитета государственной безопасности СССР, Управления по Ленинградской области от 2.04.92 г. на запрос игумена Андроника, близкого родственника Флоренского.

«Уважаемый Александр Сергеевич!

На Ваше заявление относительно розыска места захоронения Флоренского П.А. сообщаем, что по имеющимся сведениям приговор в отношении него был приведен в исполнение 8 декабря 1937 года в гор. Ленинграде. Установленным местом захоронения жертв репрессий в период 1937–1940 гг. в г. Ленинграде является т.н. “Левашовская пустошь”, находящаяся в пос. Левашово Выборгского района г. Санкт-Петербурга.

Таким образом, имеются все основания полагать, что Флоренский Павел Александрович в числе других жертв захоронен именно в этом месте.

С уважением

Начальник подразделения А.Н. Пшеничный»⁵⁴.

Комментировать эти бумаги просто невозможно по причине их страшного содержания. Государственная машина, как Молох, поглотила великого Флоренского вместе с остальными и выплюнула лишь процитированные бумаги.

Свидетельствует игумен Андроник (Трубачев):

«У отца Павла было ясное понимание того, что ждет его. Однако он ощущал свой нравственный долг и призвание в том, чтобы сохранить основы духовной культуры для будущих поколений. Так еще 30 июля 1917 г. он писал А.С. Мамонтовой: “Все то, что происходит кругом нас, для нас, разумеется, мучительно. Однако я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет свое ничтожество, всем надоест, вызовет ненависть к себе, и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы уже не по-прежнему, вяло и с оглядкой, а наголодавшись, обратятся к русской идее, к идее России, к святой Руси... Я уверен, что худшее еще впереди, а не позади, что кризис еще не миновал. Но я верю, что кризис очистит русскую атмо-

сферу, даже всемирную атмосферу, испорченную едва ли не с XVII века”»⁵⁵.

С 1917 по 1923 год он писал свое «Завещание моим детям: Анне, Василию и Кириллу и Олечке – на случай моей смерти»⁵⁶. В завещании 12 пунктов, и каждый из них – целый жизненный сюжет его духовного опыта. Вот этот текст:

«1917.IV.11. Сергиев Посад

1. Прошу Вас, мои милые, когда будете хоронить меня, приобщиться Святым Тайн в этот самый день, а если уж будет никак нельзя, то в ближайшие дни. И вообще прошу приобщаться вскоре после смерти моей чаще.

2. Обо мне не печальтесь и не скорбите по возможности. Если вы будете радостны и бодры, то мне этим доставите успокоение. Я всегда буду с вами душою, а если Господь позволит – буду часто приходить к вам и смотреть на вас. Но вы уповайте на Господа и на Его Пречистую Матерь и не печальтесь.

3. Самое главное, о чем я вообще прошу вас, – это чтобы вы помнили Господа и ходили пред Ним. Этим я говорю все, что имею сказать. Остальное – либо подробности, либо второстепенное. Но этого не забывайте никогда.

4. Не забывайте рода своего, прошлого своего, изучайте своих дедов и прадедов, работайте над укреплением их памяти.

1917.V.8

Старайтесь записывать все, что можете, о прошлом рода, семьи, дома, обстановки, вещей, книг и т.д. Старайтесь собирать портреты, автографы, письма, сочинения печатные и рукописные всех тех, кто имел отношение к семье, к роду, – знакомых, родных, друзей. Пусть вся история рода будет закреплена в вашем доме, и пусть все около вас будет напитано воспоминаниями. Так, чтобы ничего не было мертвого, вещного, неодухотворенного.

5. Дома, библиотеки, вещей не продавайте, без самой крайней нужды. Главное же мне хотелось бы, чтобы дом оставался долго в нашем роде, чтобы под крылом Преподобного Сергия вы, и дети, и внуки ваши долго-долго имели крепость и твердую опору.

1917.VII. Сергиев Посад

6. Мое убеждение – что роду нашему должно иметь представителей у Престола Божия. Мое чувство – что тысячи вразумлений Божиих и ты-

⁵³ П.А. Флоренский: арест и гибель. С. 140.

⁵⁴ Там же. С. 184.

⁵⁵ Там же. С. 182–183.

⁵⁶ Оноприенко В.И. Флоренские. С. 193–197.

сячи подстерегающих враждебных глаз направляют наш род к одной цели – не изменять назначенному нам стоянию в алтаре Господнем. Отказ от этого стояния, бегство алтаря поведет к тяжелому року над нашим домом.

Мне думается, то тяжелое, что пережил наш род, начиная от деда, есть следствие уклонения от алтаря Господня. Пусть же в каждом поколении хоть один будет иерей, лучше всего – как я, т.е. иерей для себя, иерей ради службы Божией, имеющий ремеслом что-нибудь особое! Подумайте об этом, сыны мои!

7. Мне думается, что задачи нашего рода – не практические, не административные, а созерцательные, мыслительные, организационные в области духовной жизни, в области культуры и просвещения. Старайтесь вдуматься в эти задачи нашего рода и, не уклоняясь от прямого следования им, по возможности твердо держаться присущей нам деятельности.

8. Не ищите власти, богатства, влияния... Нам не свойственно все это; в малой же доле оно само придет – в мере нужной. А иначе станет вам скучно и тягостно жить.

1919.IV.26. Сергиев Посад, ст. ст.

9. Дети мои милые. Это время революции было так тяжело, как только можно было себе представить; было – и есть, и Бог знает, сколько еще продлится. Эпидемические болезни, голод, невероятная дороговизна, бесправие, возможность всякого насилия – все, что только можно представить себе тяжелого, не отсутствовало кругом нас. Но Милосердие Божие, Покров Пречистой Девы и Помощь Преподобного Сергия, а также молитвы Иеромонаха Исидора и Епископа Антония, а может быть, и Архимандрита Пимена не оставляли нас, и великим чудом мы не терпели недостатка, хотя по человеческому разумению должны были бы тысячу раз умереть от голода, холода и болезней, а также претерпеть все виды насилий. Милые мои дети, Господь хранил нас, мы не оставались без Его Покрова. Не забывайте никогда, прошу вас и завещаю, этого времени вашего детства и всегда обращайтесь за помощью к Господу, Божией Матери, угоднику Божию Сергию, а еще святым Николаю Чудотворцу, преподобному Серафиму и своим Ангелам. Обращайтесь с горячею просьбою и мольбою о помощи к друзьям и покровителям нашего дома Иеромонаху Исидору и Епископу Антонию и Архимандриту Пимену. Не забывайте этого, помните, опытами многими убедился я, убедилась мы в действенности молитв и просьб к ним. И еще раз скажу, не забывайте их, милые мои, обращайтесь к ним с каждой нуждою, помните, что в лице их вы имеете домашних

покровителей, знавших нас и любивших нас и заботившихся о нас при жизни своей.

1920.VI.3

10. Мои милые, в это тяжелое время друзья и знакомые много помогали нам, и без помощи их нам не выжить бы. Многие проявляли доброту и внимание, нами не заслуженные. И вы, мои хорошие, будьте всегда в жизни добры к людям и внимательны. Не надо раздавать, разбрасывать имущество, ласку, совет; не надо благотворительности. Но старайтесь чутко прислушиваться и уметь вовремя прийти с действительной помощью к тем, кого нам Бог пошлет как нуждающихся в помощи. Будьте добры и щедродательны.

Когда же вам самим будет плохо, то воззовите к Богу, обратитесь к святым угодникам – к Николаю Чудотворцу, к преподобным Сергию и Серафиму, обратитесь к покровителям нашего дома, о которых я говорил вам уже. Верьте, мои милые, что я говорю по многому опыту, – они не оставят вас без помощи.

Много-много раз я убеждался в действенности молитв к ним и не бывал не услышан, когда просил их. И вот, мои родные, мои родимые, никогда не забывайте молиться и обращаться за помощью к небесным покровителям. Из друзей же, поговявших нам, в особенности назову: Наталию Александровну Киселеву, Софию Сергеевну Тучкову, Софию Ивановну Огневу, некоторых моих учеников по Академии.

11. Мои милые, грех, который особенно тяжело было бы мне видеть в вас, – это зависть. Не завидуйте, это измельчает дух и опошляет его. Если уж очень захочется что иметь, то добывайте и просите Бога, чтобы было желаемое у вас. Но только не завидуйте. Мещанство душевное, мелочность, дерзкие сплетни, злоба, интриги – все это от зависти. Вы же не завидуйте, утешьте меня, а я буду с вами, и сколько можно мне будет, буду молить Господа о помощи вам.

И еще – не осуждайте, не судите старших себя, не пересуживайте, старайтесь покрывать грех и не замечать его. Говорите себе: “Кто я, чтобы судить, и знаю ли я внутренние побуждения, чтобы осуждать?” Осуждение рождается большей части из зависти и есть мерзость. Воздавайте каждому должное почтение, не заискивайте, не унижайтесь, но и не судите дел, которые вам не вручены Богом. Смотрите на свое собственное дело, старайтесь сделать его возможно лучше, и делайте все, что делаете, не для других, а для самих себя, для своей души, стараясь из всего извлечь себе пользу, назидание, питание души, чтобы ни одна минута вашей жизни не утекала мимо вас без значения и содержания.

М.В. Нестеров. Философы (П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков). 1917

Москва. 1921. III. 19–20. Ночь у В.И. Лисева
Суббота под воскресенье

12. Милые мои детки, тоскует мое сердце по вас. Когда вы вырастаете, то узнаете, как тоскует отцовское и материнское сердце по детям. И тоскует оно по моей бедной маме, которая сидит одинокая и к которой нет сил приблизиться внутренне. Много-много хочется написать мне вам. Приходят вереницы мыслей и чувств, но нет ни времени, ни сил записывать. Вот одно, что особенно настойчиво просится к записи:

Привыкайте, приучайте себя все, что бы ни делали вы, делать отчетливо, с изяществом, расчлененно; не смазывайте своей деятельности, не делайте ничего безвкусно, кое-как. Помните, в “кое-как” можно потерять всю жизнь, и напротив, в

отчетливом, ритмичном делании даже вещей и дел не первой важности можно открыть для себя многое, что послужит вам впоследствии самым глубоким, может быть, источником нового творчества. Почему-то в этом отношении я спокоен за Олечку и отчасти за Киру и более всего опасуюсь, что мой первенчик Васенька оплошает и будет жить спустя рукава. Дай Господи, чтобы это было не так. Но опасуюсь, что Вася выйдет в своего дядю Шуру.

И еще.

Кто делает кое-как, тот и говорить научается кое-как, а неряшливое слово, смазанное, не прочеканенное, вовлекает в эту неотчетливость и мысль. Детки мои милые, не позволяйте себе мыслить небрежно. Мысль – Божий дар и требу-

ет ухода за собою. Быть отчетливым и отчетным в своей мысли – это залог духовной свободы и радости мысли.

1922.VIII.14

Давно хочется мне записать: почаще смотрите на звезды. Когда будет на душе плохо, смотрите на звезды или лазурь днем. Когда грустно, когда вас обидят, когда что не будет удаваться, когда придет на вас душевная буря – выйдите на воздух и останьтесь наедине с небом. Тогда душа успокоится...»

Обычно люди пишут материальные завещания, заверяют их у нотариуса, чем придают им юридический смысл. Завещание Флоренского не имеет юридического значения, ибо это духовное завещание. Оно уникально по своей высокой духовности и нравственно-этической насыщенности. В этом завещании Флоренский определил правила духовной жизни не только для своих детей, но и можно считать – для человека вообще. Он был глубоко религиозен, и это наложило свой отпечаток на текст. Но при этом надо отметить, как ненавязчиво и корректно подаются религиозные истины, как тактично он старается наполнить ими души своих детей. Через все завещание проходит его собственное ощущение предстоящих бед и своей гибели.

«Если бы меня спросили, – пишет С.И. Фудель, – как в общем итоге определить значение Флоренского для людей, я бы сказал, что оно может быть сведено к властному направлению нашего сознания в реальность духовной жизни, в действительность общения с божественным миром»⁵⁷. В самом деле, Флоренский – и в своих исследованиях, и в своем опыте – все время указывал на необходимость и неизбежность Высшего мира, мира иного измерения. Занимаясь делами Церкви, подобно Апостолу Павлу, он не упускал никогда эту проблему. Ибо она была сформулирована Апостолом две тысячи лет назад: «...чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что (есть) широта, и долготы, и глубина, и высота»⁵⁸. В этих словах Апостола Павла отец Павел усматривал указание на «четырёхмерное знание», которое расширит духовное зрение человека. Но Апостола казнили в I веке нашей эры, а отца Павла в XX за те же идеи. Неужели все их старания пропадут и исчезнут из земного простран-

ства? На этот вопрос как бы ответил сам Флоренский в письме матери (6–7.04.1935): «Все проходит, но все остается. Это мое самое заветное ощущение, что ничего не уходит совсем, ничего не пропадает, а где-то и как-то хранится. Ценность пребывает, хотя мы и перестаем воспринимать ее. И подвиги, хотя бы о них все забыли, пребывают как-то и дают свои плоды <...> Мне кажется, все люди, каких бы они ни были убеждений, на самом деле, в глубине души, ощущают так же. Без этого жизнь стала бы бессмысленной и пустою»⁵⁹.

...Январь 2002 года был в Италии удивительно теплым. Я бродила по Ватикану, переходя из одного храма в другой, из одного музея в другой, пораженная богатством содержащихся в них художественных ценностей. Собираясь уходить, я еще раз зашла в залы Древнего Рима, где экспонировалось одно из богатейших собраний античной скульптуры. Я стояла у древнего саркофага, рассматривая его удивительно искусно сделанные барельефы, когда около меня остановился человек и сказал:

– Простите за назойливость, но Вы были в часовне Божией Матери?

– Право, я затрудняюсь ответить, столько храмов я посмотрела, что запуталась. Возможно, я и была в ней, – сказала я.

– Но если Вы были, то так бы не ответили, – и отошел, направляясь прямо к выходу.

А я, заинтересованная этим странным разговором, пошла искать часовню. Нашла я ее не скоро, а войдя в нее, ничего странного и таинственного не обнаружила, пока мой взгляд не задержался на стене, где была мозаика, сделанная, я бы сказала, в современном стиле. Я подошла поближе и увидела три фигуры. Судя по надписи, сделанной на русском языке, одна из них изображала Флоренского. Он стоял с краю, распластав руки, похожие на крылья. Тогда же я узнала, что все трое были признаны католической церковью новомучениками. Я долго стояла перед изображением, стараясь вспомнить, есть ли в нашей православной церкви новомученик отец Павел⁶⁰. Но так и не смогла вспомнить...

Редакция благодарит Павла Васильевича Флоренского за документы и фотографии из архива семьи Флоренских

⁵⁷ П.А. Флоренский: Pro et contra. С. 99.

⁵⁸ Там же. С. 103.

⁵⁹ Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. С. 203–204.

⁶⁰ Отец Павел не был причислен Русской православной церковью к числу новомучеников. – Прим. ред.